

An abstract painting with a dark vertical stripe running down the center. The left and right sides are filled with vibrant, textured brushstrokes in shades of blue, red, yellow, and white. The central stripe is a solid, dark grey or black. The overall composition is dynamic and expressive.

Елена Асеева
Неско

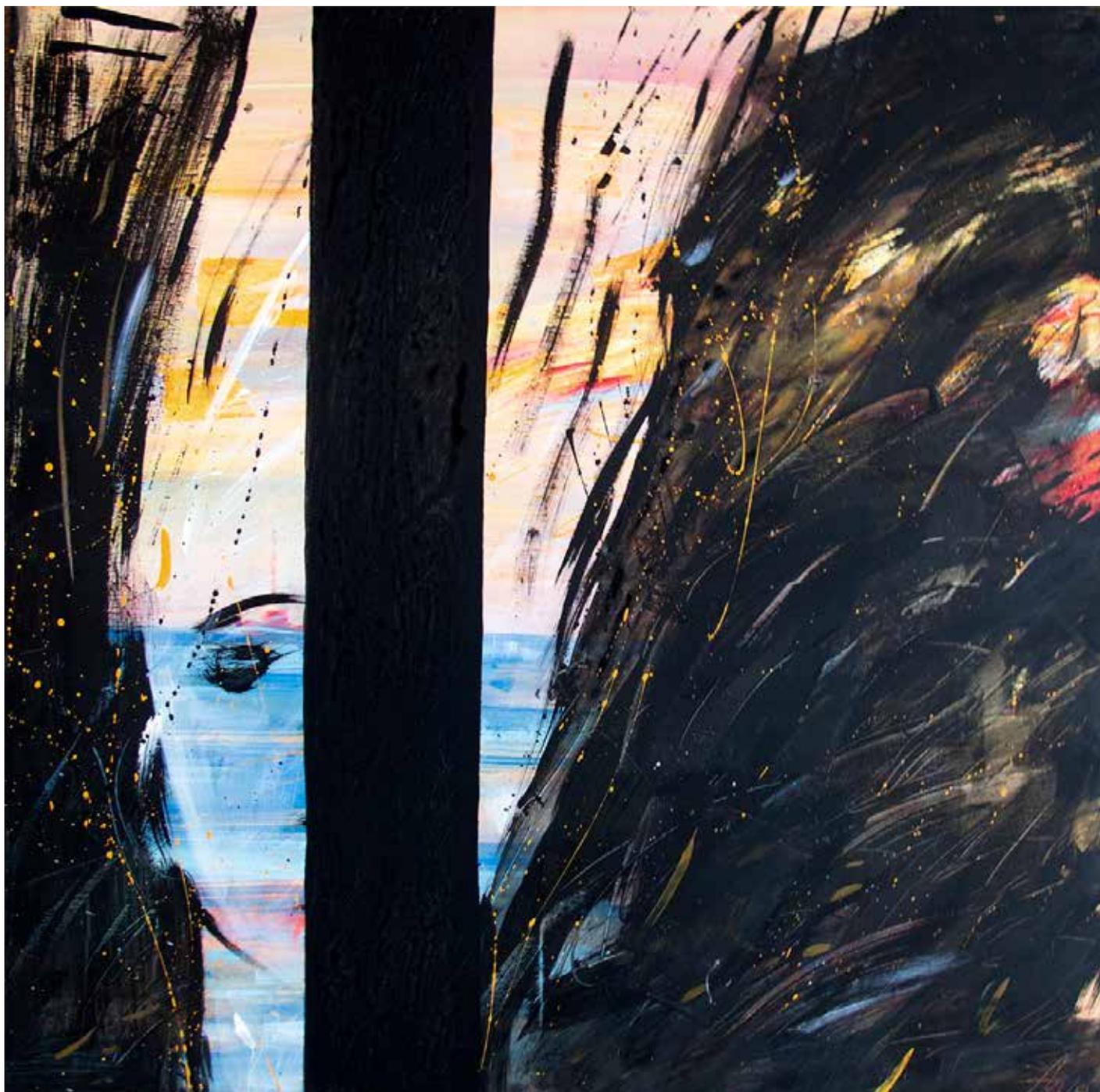

Елена Асеева
Нелѝ

*“...диалогичного измянья
я снова чувствую покров”
(В. Набоков)*

*“...нужно быть гордым. нужно быть добрым.
нужно быть чисто выбритым,
чтобы в каждую минуту быть готовым к
дальнему перелету.” (В.Набоков).*

"Память", холст, акрил, 80X80 см.

ПТИЦЫ

Она нашла его видео в интернете. Уже немолодой ученый рассказывает о каких-то космических материях на английском языке. Она мечтала об этом.

“Я так рада за тебя...”

Осень. Осень. Осень...

Она жила, но как будто все время готовилась к выпускному экзамену или путешествию. “А ведь уже поздно”, - говорил голос изнутри. “Поздно все начинать сначала”.

Море, куда я от тебя уеду? Оно черное, но если светит луна, то становится серебряное, и на фоне ночного неба все словно поднимается над землей.

А корабли взлетают и парят в воздухе. Город плывет, моргает огнями. Он стал такой лощеный, почти современный. Если ты родился в таком городе, который везде море, ты уже нигде не сможешь прижиться. Ты навсегда попал в плен лодочек, чашки кофе под соснами, криков чаек, мокрого песка, грусти. Геленджик и Константинополь. Я знала, что вода - одна и та же. Она возвращается. Все, что я люблю, все время возвращается по кругу.

Любовь? Лишь память не дает мне окончательно упасть в пропасть.

Когда она жила в Италии у нее была крыша. Она смотрела на птиц, которые кружили над головой, небо и птицы соединяли с Россией, с мамой. Она хотела в Россию, а теперь раскаивалась. И это раскаяние было самое жуткое место в реальности, так как оно было предательством.

Иметь в кармане билет, сесть на самолет, улететь сначала в Москву, а потом.... лежать в парке на листьях. Никуда не бежать.

Рисовать буквы и девушек с летящими волосами.

Как будто на небе ошиблись. Но она знала, что не ошиблись.

В ее бесконечном отчаянии она хотела найти силы, чтобы еще раз взойти на небо. Потому что она помнила еще что-то. Какую-то параллельную жизнь, которая тоже происходила. Жизнь, где она могла проснуться и рисовать. Пойти в магазин за хлебом по парку. Оставить у дома велосипед. Ходить по развалам и блошиным рынкам. Смотреть на дождь, зайти в кафе, читать книгу не спеша. Ждать кого-то, покупать продукты, готовить ужин. Быть красивой. Много-много воспоминаний, и

они не ее.

Дай мне вспомнить хоть что-то, за что я смогла бы ухватиться. Я заблудилась в страшных, серых сумерках. Нужно замолчать. Успокоится. Успокоится так сильно, чтобы в меня снова начали затекать тексты, образы, сны”, - повторяла она облакам. Тем облакам, которые бежали как крысы с корабля.

“Россия. Россия?”

Опустошение - состояние последних пяти лет, с редкими вкраплениями образов. Черное море. Константинополь. Византия в последние годы представляла обиженную сварливую республику, погрязшую в национализме, где никто не был в состоянии объединить людей. Бог всегда создает свое государство на земле, где нет национальности. Бог всех перемешивает. Советский Союз тоже был создан Богом. И когда был почти конец - в Сталинграде явилась Матерь Божия.

Путь. Найти свой путь. Жить - даже так. Хотя бы так .

Город, кто-нибудь, люби меня за то, что я была.

Когда они встретились, ей словно протянули руку свыше. Сколько им было лет? Двадцать один год. Не дети, но и не взрослые. Так, маленькие молекулы вселенной, вдруг столкнувшиеся. Ей была нужна точка опоры, как и ему. Они были такие типичные студенты, с рюкзаками, ботинками, шампанским в парке на скамейке, с бесконечностью будущего.

Дайте мне найти мой маленький след на песке. Если я все это напишу, то забуду.

“Пока я жива, пока я могу что-то делать, моя жизнь продолжается. Стиснуть зубы и действовать. Делать то, что можешь.” (Любовь Орлова).

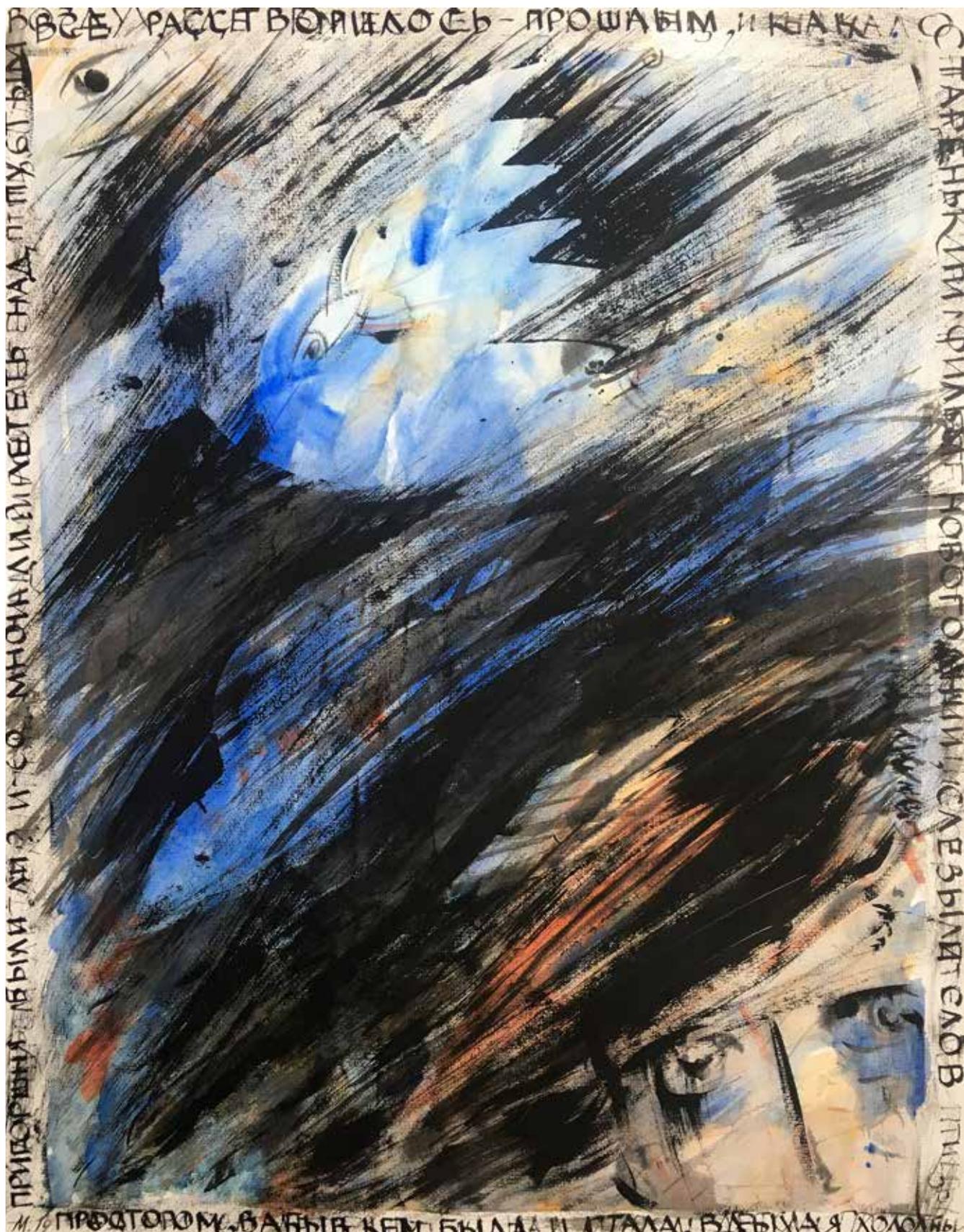
Вот и все.

Хотя бы это.

Все? Скоро занавес?

Так значит она была ТАМ?

Здравствуйте.

"Рассвет", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...самое главное:
смотреть. видеть сны иногда. быть возле моря.
с возрастом главное сужается.
и ты начинаешь вспоминать
удивительные вещи из детства.
у меня были куры-друзья, я их учила петь.
много кошек, собака за забором,
огромный инжир
и горы в снегу из окна.
все сужается в точку, где мысль единственная -
не завидовать.
стать кем-то я уже не успею, да
и надо ли...
писать каждый день, рисовать- или
на бумаге, или на холсте.
заказать подрамники.
начать иконы.
Все...*

"Время", холст, акрил, 80X80 см.

...у меня есть сад, у меня есть дом.

*так много мечтала, казалось мысли
бежали вперед меня, как салазки,
и вот - гора в окне, шепчут птицы,
больше не думаю, скоро развязка.*

*...у меня есть сад, у меня есть дом,
кисточки, краски и чашка с кофе...*

*больше не трачу, не жду надежды,
не вою, не плачу и не рву голос,
все что осталось - маяк прибрежный,
доска с иконой и ветра морось.*

*все что осталось - картинки, строчки,
с паперти сердца немое прошение.
милый мой мир - чашка кофе, небо -
мне подарили вас в утешенье...*

ОБЛАКА

Она не выбирала.

Вещи ей прислали по почте, в коробке.

Она думала, что не выживет, но смогла.

Я вам расскажу о Константинополе. Сначала я думала, что вот наконец соберусь с силами и напишу какой-нибудь супер-роман. И чтобы в конце все плакали. Но чем больше я собирала крупницы времени, солнечные утра, тем меньше мне хотелось кого-то удивлять.

Я вам просто расскажу о Константинополе.

Этот город есть на небе, в нем живет моя мама. Когда я впервые попала туда, это был январь две тысячи третьего года, мне это все показалось лучшим сном моей жизни. Я улетела на белом самолете из Петербурга и приземлилась среди рая. Этот рай мне безумно напоминал мой родной город, пряности и ароматы привели меня именно туда, откуда все началось. Я узнала там все - от дороги вдоль моря до камней вокруг Святой Софии. Это было оно - мое место во Вселенной.

В Константинополь я возвращалась снова и снова. Мы с мамой видели мозаики монастыря Хора. Мы гуляли по парку рядом с Айя-Софией. Мы видели греческий квартал и Фанар. Мне все время не хватало павлинов, я знала, что они должны быть где-то рядом. Кофе в маленьких чашечках, ковры, улочки. Этот мир был так реален. Этот город никогда не был разрушен. Он просто поднялся.

У нее не было имени. Существо летящее как оторвавшийся воздушный шарик по вселенной не имеет имени. Лишь след.

Она была ему так рада, когда они встретились. Жизнь сразу стала двусторонней. У жизни появились изнанка, смысл, глубина, будущее. Она заканчивала университет, писала какие-то научные работы. "Моя жизнь была черно-белой, а стала цветной", - сказал он ей. И началась их история. Он нашел ей работу художника, она снова начала рисовать. Он научил ее фотошопу, он спрограммировал ей первый сайт. Он сделал так, что его город стал ей родным на всю жизнь. Они ходили гулять в Александровский парк и пили шампанское на лавочках.

Ватные мягкие огромные облака на полнеба. Как найти точку опоры, если одиночество уже сделало из живой материи кусок камня?

Свет. Много белого рассеянного света. Свет, который словно подчеркивает безмятежность. Белые широкие брюки, соломенные шляпы, часики на руках.

Бутылочка вина в кафе. Раскрытая книга. Пальмы, через которые светится ветер. Они сидят на лавочке и видят море. Они никуда не спешат. Они почти счастливы - я и кто-то еще из моей параллельной жизни.

Вот художник рисует этюды. Вот писатель на берегу моря что-то записывает. А это врач идет домой после рабочего дня. Здесь дети плещутся в море с мячами. И мохнатые-мохнатые пальмы. Балясины светятся изнутри.

Они все - это я. Потому что я это все помню. Утренний туман над морем. И запах молочного коктейля в стеклянном стакане.

Этот свет и этот день меня преследуют. Один и тот же свет. Белый-белый день. Чей-то голос поет по радио, женщина зовет детей домой с площадки. Бутерброды в школьном портфеле. Постоянно разрушающаяся страна. Мы бежали, потому что забыли, кто мы. Литература может быть живописью и графикой. Может быть реализмом и абстракцией. Господь постоянно создает свое государство на Земле. И испытывает его жителей на верность.

Контрапункт, импровизация, немного джаза, немного Рахманинова, глаза с икон, птицы, много неба и моря.

Иногда мне очень обидно. И тогда я возвращаюсь в прошлое, или улетаю в свою параллельную жизнь, которая должна была случиться, но не случилась. Почему? Я сама всю жизнь задаюсь этим вопросом. Сейчас, когда все уже более-менее ясно, я вижу несколько ошибок, которые повернули вспять все. Глупых ошибок.

Ты же сама хотела вернуться в Россию. Вот она, Россия. Ты все знала до деталей, что так и будет.

Все просто. За возвращение нужно платить налог.

Быть в мастерской, пить кофе, рисовать эскизы, писать икону.

Плакать, когда тебя никто не видит.

Я знала, что с будущим мужем мы встретимся в Константинополе.

Император смотрит на корабли в бухте Золотой Рог. Принцессы острова.

Кораблики, где на палубе пьют чай. Дымка. Сталин. Война. Облака.

Много-много.

И чтобы в конце осталось только небо.

*...пусть я слаба и от всего текущего так тошно мне,
я прошу: "Господи, пусть произойдет со мной
что-нибудь хорошее...
Чтобы я знала, что этот день мой, этот мир мой,
и не ошибся никто,
что я рисую, мечтаю, общаюсь
и те, кто рядом - как великаны в кино.*

*я утром пишу иконы, а вечером
пью чай и тихо смотрю в окно,
в нем утром щебечут птицы, а в сумерках
пахнет тепло торопливой весной".*

*Я не жалею больше , не плачу, не сетую
ни о чем. ведь этот день - мой,
и я не ошиблась в нем.*

*Это моя страна,
в которой мы как в небе на ножках.
В нас впечатаны ее раны, голоса и имена....*

"Звук", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...Господи, иногда мне кажется, что все очень плохо.
Иногда, что все нормально и жить можно...
Я одна. Как камень. Я давно превратилась в камень.
И тут из меня выскакивают какие-то энергии, они ищут
людей, они ищут какой-то ток, который будет идти.
Они пытаются освободить меня.
Чтобы я снова улыбалась.
Но я не могу, Господи....
Я терплю эту жизнь, Господи.
Я прошу Тебя быть полезной в чем-то....
Я сделаю все, что Ты дашь мне. Пойду на все жертвы.
Постараюсь быть сильной.
Господи, я больше не ищу любви.
Я думала, что это миф, и вот я к этому тяжелому камню
пришла. Я ее искала и не нашла.
И мне остается только небо.
В котором - голубая бездна расширяющегося одиночества.
Наверное Бог тоже видит так...*

ВЕТЕР

Велосипеды, фотографии, выставки, театры, мечты. Господи, как многослойны и ветвисты были те мечты, когда в конце девяностых все бежали из России.

Когда их расписывали в ЗАГСе в Царском Селе, вдруг зазвонили колокола. Тетенька-регистратор сказала: "Это знак с неба".

Они сидели на траве возле столовой. На американской траве возле американской столовой американского университета. Он встречал ее в аэропорту вдруг ставший маленьким.

Господи, я видела так много. Столько красивого. Но самое лучшее воспоминание - это кораблики в бухте Золотой Рог. Когда я на них смотрела, я думала, что не умру.

У меня в голове хаос. Византия, Сталинград, Набоков, Достоевский. Россия? Я не понимала, как из этого хаоса сделать что-то связное. Все несовместимое. Все из разных времен. И все связано.

Россия. Что такое Россия? Это земля? Это почва, история, традиции, Валдай, Воронеж, Бунин, Пушкин? Это Рюрики, Годунов? Мне все это не нравилось, я знала, что все это лишь ограда.

Я была совсем не согласна с такой Россией. В Керчи и Осетии жили мои предки. Предки жили в Константинополе. Вокруг меня были горы и Черное море. Здесь плавали греки, генуэзцы, славяне и византийцы.

Здесь проповедовали апостолы Симон и Андрей. Это Россия? Россия была частью огромного и светящегося мира энтузиастов и филантропов, многое из которого мы прожили, будучи жителями Советского Союза. Россия была частью неземного свободного мира, который я знала и не знала. Фильма "Кин- дза -дза" был снят почти одновременно с падением предыдущей версии России, в 1986 году. Это наверное был самый счастливый год, ведь Горбачев пришел к власти в 1985. Но как бы не называлась Россия - она была частью Царства. С десятого века и навсегда.

Я искала себе конкретное место в воздухе, на земле оно у меня было, мне дал Господь дом, время, кофе и мастерскую. Мое Царство было абсолютно видимое, я знала его, я была его гражданином. У этого царства были большие города-мегаполисы - Константинополь, Иерусалим, Рим, Москва, Александрия. В этом царстве были прекрасные академии и музеи. В нем жили огромное множество поэтов, музыкантов и художников. Каждый житель считал качеством хорошего образования писать стихи, музыку, танцевать, рисовать, декламировать поэзию. Крестьяне занимались разведением цветов и овощей из любви, архитекторы

строили из любви, певцы пели из любви, все делалось из любви. Человек, который не любил свое дело, не мог им заниматься, так как человек занимающийся своим делом без любви отнимал его у другого, который мечтал об этом.

Если гражданин вдруг в тридцать лет решал, что он не хочет и никогда не хотел быть фармацевтом, ему давали год на поиски своего пути, обучение, и он должен был доказать, что нашел свое дело. А фармацевтом становился другой, мечтающий об этом. В моем царстве была очень сложная система судей, законов. Сократ, Платон и Аристотель были одними из главных учителей Царства. Кто не выносил света и восторга Царства уезжал в дальние колонии и уходил в серый мир.

В Царстве было очень много праздников, Церковь Божия была центром Царства. Соборы и храмы стояли красивые, ухоженные, Бог был рад видеть людей, которые чтут Его и часто приходят к Нему на каждый праздник и с каждой благодарностью. За благодарность Бог давал больше и больше возможностей жителям: не было бурь, наводнений, корабли пересекали моря безопасно и легко. При малейшей опасности они просто исчезали из виду по молитве навигаторов корабля.

Серый мир за границами Царства был юдолью недовольных и страстных, там пили вино от отчаяния, любили женщин для самозабвения и завидовали. Жители серого мира ненавидели жителей Царства, так как все слишком правильное было чуждо хаотичному. Жители серого мира пытались разрушать Царство и сеять в нем недовольство. И это приводило то к мятежам, то к восстаниям. Но они прекращались сами по себе, так как жители серого мира в итоге получали возможность прикоснуться к свету, и у кого-то это получалось. Их отмывали, они лечили свои раны, и могли уже выбрать себе место по душе, так как никто никого не неволил.

В Царстве учили детей философии, живописи, поэзии и математике с трех лет.

В Царстве знали очень много языков.

В Царстве звери не боялись человека, здесь не ели животных. Животные паслись в чудесных парках и кормились из рук людей.

Хлеб был основной пищей жителей Царства - поглощение пищи было наименьшей заботой, они предпочитали самую простую пищу в простых белых тарелках. Пища была способом набраться сил и передохнуть. Жители Царства были в прекрасной физической форме, так как много гуляли, плавали и находились на свежем воздухе. Они мало спали, так как сам воздух вокруг давал им силы.

Разумность, справедливость и воля были главными качествами Царства. Человек, владевший волей, не мог не быть прекрасным.

Жители Царства могли освоить новый иностранный язык за несколько месяцев, она почти не болели, так как ничто не огорчало их, они писали очень много книг,

восстанавливали разрушенные произведения искусства, делали изобретения.

Все устройства работали на солнечной энергии, которая накапливалась в избытке. Жители работали над сохранением искусства и знаний прошлого, так как в каждом прошлом времени уже были заложены фрагменты Царства.

Национальность предков была одной из справочных информации о жителе, как цвет волос или глаз. Изучая языки предков никто не кичился своим происхождением, так как имели значение только внутренние качества и результат твоей работы.

В Царстве не засыпали, не совершив молитву Богу, которая могла длиться один час и более. И не начинали день не воздав хвалу Создателю. Жители носили льняные белые хитоны, легкие накидки и шерстяные плащи. Когда житель Царства склонялся в парке, чтобы насладиться ароматов цветка, он превращался в божественную статую в соединении грации наклона и плавных многочисленных складок одежды. Склоняясь к цветку житель Царства составлял небольшое стихотворение и отправлял его в небо.

Птицы ходили свободно по паркам и улицам и их крик был украшением городов. В домах и фонтанах жителей жило множество домашних животных, рыб и птиц. Дети играли с ними и учились первой любви.

В Царстве помнили прекрасно предыдущую историю саморазрушения человечества. Человек давший волю страстям, обиде, мести и зависти превращался в чудовище видимым образом. И ему не оставалось ничего иного, как удаляться в серый мир для забвения.

В Царстве все время играла музыка на всех перекрестках городов. Самое лучшее, что было доступно жителям Царства - это просто возможность жить и радоваться окружающему миру, быть добрым, веселым, дружелюбным, щедрым. Царство было единственным местом на земле, где не велись войны, потому что никто никому не завидовал и не хотел чужого.

Жители Царства были детьми Бога и это осознание давало им самую большую радость.

Россия...

Я вернулась в Россию. Где твой приз?

Набоков? Боль, которую он стеснялся выплакать.

После 2010 года в России не было нобелевских лауреатов. Все уехали в западные университеты. Но там премий им тоже не дали.

Это была наша мечта. Моя мечта.

У него получилось. У меня - нет. И мне обидно. Что я здесь.

Но все мои обиды, когда падают с неба, чтобы ниспровергнуть меня в бездну, разбиваются о то, как Господь все время держит меня за руку. Не отпускает.

Я хотела розовую сумку - мне ее дарит сестра. Я хотела дорогу - и мне звонят и делают дорогу. Я хотела лето, лагерь, преподавателей, книги, икону - и вот оно, падает и падает с неба. Чтобы я не скулила.

Что я должна сделать Господи в ответ?

Господи, Господи, Господи....

Утром я вижу какие-то цветы, растения. Вижу косяк птиц в небе, сову, заходящую в круглую дыру в бетоне, небо, облака, город после ночного ливня. Утро, которое протянуло мне руку, одергивает ее и уносится вверх.

Я знаю, что должна выжить. Я должна остаться поэтом, художником. Пусть весь мир принимает все возможные формы, чтобы заставить меня забыть о себе - но я помню. Помню Константинополь, помню ночное небо над Золотым Рогом. Я помню крышу в Италии, птиц и небо. Помню маму. Суп и реку Чарльз в Бостоне. Помню мои пустыни и Афганистан.

Даже если мир заставляет меня забыть все, стать просто офисным конторским истеричным винтиком - я помню. Я помню, кем я была, кем я должна быть. Я помню свой этюдник, который остался в Дубае. Помню крышу, где рисовала в Мазари-Шерифе. У меня никогда не было времени, я всегда воровала его. Никогда не было времени. И сейчас нет.

Под «божественной пропорцией» Пачоли понимает непрерывную геометрическую пропорцию трёх величин, которую Евклид называет «делением в среднем и крайнем от-ношении», а в XIX веке её стали называть «золотым сечением».

Они видят меня.

Эти уколы суеты, раздражительности, обиды, зависти, саможаления - они имеют физическую форму. В детстве у меня было название этому : “противно”. Мне часто было противно. Чем дальше я росла и старела, тем меньше было противно от того, или от другого. Человек наращивает на себе кожу носорога, чтобы превратится в итоге в скопление примитивных рефлексов.

А все остальное, я знаю, что это где-то есть. Потому что я уже была там.

Я прощаюсь. Но я хочу продолжиться, Господи.

Но так, как сейчас - не могу больше.

Ты меня спасал столько раз.

У меня просить больше нет сил.

О чем бы ты попросила?

Смочь убежать как и раньше.

Убежать от отчаяния.

мама ты же меня любишь. ты же меня любишь.

люби меня, пожалуйста, Господи...

Помоги мне остаться в живых....

"Звезды", холст, акрил, 80X80 см.

*...Небо - это возможность сбежать
из любого момента.*

*Небо - это полоска дыхания между
крышами двух магазинов и многоэтажек.*

*Небо - это несуществование времени,
смех опадающих листьев,
безумие снега и закипание слез в дожде.*

*Небо - это мой мир, даже если
мир думает, что я проиграла.*

*Небо - это мама, которая машет рукой,
когда уезжаю на электричке.*

Небо - везде родина, потому что оно одно.

Расставание и свет одиночества - небо...

ДОЖДЬ

очень медленно. все пережевывать. сконцентрироваться. качество без суеты. не завидовать. не разочаровываться. мир будет тебя использовать.

не жаловаться. не жаловаться Богу на Его мир.

зависть - это очень заразная штука. мне кажется в моем детстве не было столько зависти. все работали, дружили, хорошо отдыхали, ездили в отпуск. Гордились собой, друзьями, детьми, страной. Я рада, что родилась и выросла в СССР.

Мой город. Я вчера вышла с работы и пошла пешком по набережной. Люди все еще сидели в нагретых солнцем кафе, кто-то загорал, кто-то купался. Город был очень оживлен для октября, словно лето растянулось как резиновое. Вот и пришел мой самый любимый месяц - а я даже и не заметила.

Нас все вокруг прессингует, чтобы максимально выдавить в бесчувственность. Чтобы ты стал просто телом, которое уже не реагирует на скандалы, сигналы, обиды, оскорбления, проблемы. Красоту. Чтобы ты просто стал оболочкой, медведем в зоопарке из рассказа Андрея Битова.

Мне так же бесчувственно. Человек, который вынужден делать работу через силу превращается в медведя в клетке. А выход какой? Только брать перья, краски, кисти и плакать лишь там. Только там можешь переступить этот порог отчаяния и вернуться.

Геленджик для меня всегда был счастливым местом. В детстве потому что ты автоматически счастлив лишь потому, что ребенок, и видишь, и поешь песни лесу, листве, морю, небу. Я уехала отсюда на грани детства и взрослости, и всегда возвращалась как в место счастья. И вот теперь я со страхом констатирую, что место счастья стало ссылкой. Конечно, никто меня не заставляет работать, я могу уйти - но не могу. И поэтому я знаю, что мой город все знает, и то, что я вижу - главное. Не потому что наделена особым зрением- а потому что выросла здесь, в этих соснах. Юг, горы, Кавказ для меня прописка. Я вижу сразу во всех временах, толщинах. Они перемешались во мне.

В Италии я все время возвращаюсь в тот день, когда я поняла, что должна уехать. Это был октябрь, я еле уговорила Паоло купить мне билет, так как школа отмечала десятилетие, и я прилетела сюда. Это было такое острое чувство возвращения, щемящее, почти голое. Я отрывалась от всего, что была правильным, классным, от всех возможностей, творческой реализации, любимой работы, вечного города, наконец. И шла за какой-то болью. Мама еще не болела тогда. До ее диагноза оставалось несколько месяцев. Я пыталась доказать себе, что мое в возвращение

в Россию не было ошибкой, капризом, блажью. Все было выложено как дорожка, как маленькая мощеная тропинка на гору. И все мои улицы за окном кофейни, снег в городе, какие-то встречи, общение, выставки, желтые листья - они должны были оставаться там, где я их себе придумала. Иногда все это даже сбывалось. Я хотела в Россию и не хотела, конечно же. Но дорожка была, и она шла, крутилась по лесу, потом по берегу моря уже сама по себе. И только потом мне выписали рецепт - возвращение. И началась эта вся история, которая длится.

Пятое октября. Убирала листья в саду, видела утро и горы. Самое легкое, когда ты ребенок, это быть благодарным. И как же тяжело учиться этому когда уже почти все закончилось.

Господи, я благодарна Тебе за все. За то, что Ты мне открыл дорогу домой. За то, что я не оторвалась от корней. За то, что я мучительно, против своей воли знаю, где оно - мое основание.

помнить маму. рисовать.

Такой красивый город, он ей понравился. Бетонные строения, кирпичные дома с красивыми подъездами, парк, ивы, любимый книжный магазин. Мост через реку, гребцы на лодочках, киты в океане. В тот день у нее не было денег на метро, она шла пешком по этому мосту. Шла пешком и все дрожало внутри. Она даже не зная догадывалась, что это разрушение рая. Когда в розовом пространстве стена покрывается трещинами и начинает осыпаться и рушиться.

и так повторять сто раз. тысячу раз. на долгие тексты нет времени. если бы было время, то написала бы.

нужны ли они?

-Здравствуйте. Я живу в древней византийской крепости Эпталы и работаю в институте изучения византийского наследия в Константинополе.

- Из Эпталы на место работы в Константинополь, где мы встречаемся с бородатыми историками, музыковедами, художниками и иконописцами я летаю на этом экраноплане. Он уходит по расписанию из Новороссийска, пронесется со скоростью 800 километров в час над водой Черного моря и через час я уже пью кофе с лукумом на площади Айя Софии.

- Я - художник и занимаюсь изучением фресок и мозаик, а также творчеством. Сто лет назад византийское наследие было совершенно забыто, потому что мир стыдился того, что Ренессанс и вся наука Европы обязаны были своими знаниями Византии. Но после падения центральной Европы и восстановления восточной римской империи снова началось изучение древнего знания, восстановление кощунственно обезображенных фресок Византии, мозаик, музыки. Я горжусь, что немного к этому всему причастна!

-Мне также интересна история России, особенно история Сталинградской битвы. Сто лет назад люди были еще лишены духовного зрения и не могли видеть настоящего количества участников битвы за Сталинград. А сегодня мы знаем, что огромное ангельское воинство стояло на берегу Волги за спиной Царицы Небесной и не подпускали орды мрака пересечь воду. Эти же орды мрака были очень сильны когда пала Европа. Но они не подозревали, что своими руками восстанавливают Византию. Господь намного более гениален, чем наш ограниченный разум.

-Мы восстановили многое, но еще впереди много работы. Из Италии были вывезены тысячи фолиантов, рукописей награбленных и скупленных Ватиканом за копейки в пятнадцатом веке, когда произошло падение Константинополя. Все это наследие изучает наш институт совместно с другими тремя - в Москве, Белграде и Санкт-Петербурге. Безусловно, когда прикасаешься к этой неземной гармонии невозможно самому не рисовать.

-Мой родной город находится на берегу Черного моря, но Константинополь это тоже мой родной город. Как я могу представить свою жизнь не видя хотя бы раз в неделю залив Золотой Рог сверху из дворца Тап Капи, кишаций корабликами, специями, лодочками, мечтами. И этот свет на заливе - он розово-золотой.

-Мы благодарны Турции за то, что они сохраняли то, в чем не могли разобраться. Они охраняли это все по какому-то вселенному в них страху. Османская империя должна была исчезнуть в конце девятнадцатого века, но силы зла зная это принесли в жертву Белого Царя, единственного православного императора в мире. Но именно его жертвой мы смогли восстановить все.

-Мир будет существовать столько, сколько мы будем благодарить Господа за дары. А их так много, бесконечно много. Если бы люди имели духовное зрение раньше, они бы лучше разбились в том, что происходит.

-Я мечтаю только работать, ведь столько много интересного. Моя подруга, Сира, занимается искусством костюма. Когда империя только восстановилась очень многие не хотели больше носить примитивную убогую одежду того времени. Тогда начали по книгам и иконам восстанавливать костюмы, даже сервировку стола. Я завидую тем, кто жил в то время. Они были настоящими первопроходцами, мы сегодня лишь углубляем понятие.

-Храм и служба в храме занимает половину моего времени. Работа в храме приравнивается к обычной работе. Мы поем, пишем иконы, делаем мозаики. Так как нужно было срочно восстанавливать очень много храмов после восстановления империи, каждый житель был прикреплен к храму для работы.

Для меня служба в храме - это часть моего ежедневного расписания. Когда мне не нужно лететь во Фракию или Никопсию, или в Константинополе как сегодня в службу в храме в своем городе. Или посещаю Литургию в другом храме. Если ты не будешь находиться в храме на ежедневных службах и тебя отнимается духовное

зрение, и ты больше уже не можешь отличить демона от человека. Мы настолько устали от потерь и борьбы с невидимыми силами, что не можем совершенно позволить себе потерять бдительность. Но это совершенно не утомительно - ведь служба совместно с небесным воинством дает тебе дополнительные силы.

-У меня большая семья. Про нее я расскажу вам в следующий раз если интересно. Мы уже почти подлетаем к Константинополю. Видите эти острова? На них как не было машин, так и нет. Когда была восстановлена империя многие местные жители оказались тайными христианами. Это подвиг - все время скрывать свою веру. А последователи Ислама все уехали в центральную Европу.

-Мы обязательно снова поговорим с вами! Мне очень понравилось. Видите мой наряд - эта тога она из чистого льна, а накидка расшита вручную узорами павлинов. Эту одежду делает моя подруга, у нее даже есть магазин на Большом Базаре. Можете там купить что-нибудь вашей жене, скажите что вам порекомендовала Эпикаста.

- Вы мне очень понравились! Мы либо специально договоримся, либо опять вот так же случайно встретимся в экраноплане.

И пошел дождь....

"Ветер", холст, акрил, 80X80 см.

...я ненавижу себя за свое бессилие.

я ненавижу себя за то, что ничего не могу изменить.

я ненавижу себя, что завтра идти, говорить, писать документы.

я ненавижу за то, что моя жизнь заканчивается вот так.

я ненавижу себя, за то, что внутри все бетонно и страшно.

я ненавижу себя за то, что кричу на животных, на мужа.

я кричу оттого, что все время хочется плакать и убежать.

я ненавижу себя, что слаба, что не смогла ничего придумать.

я не стала ни художником, ни писателем, ни искусствоведам.

я просто жалкая тень того, о чем я мечтала.

Господи, я буду терпеть столько, сколько Ты дашь мне,

Но, Господи, неужели все так бессмысленно закончится?

Я ненавижу себя за то, что оказалась не той, Господи...

"Крылья", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...почему я хочу на войну?
потому что устала от мира,
от его желто-склизкого ила,
от вранья, от бессилия дня,
от кричанья все время в асфальт,
от стремления укорениться,
зарабатывать, остепениться
замолчать и не слышать себя.
почему я хочу на войну?
потому что я видела воздух,
он светился весь белым
и после люди были -
грядущие дни...*

СЛАБОСТЬ

В Сталинградской битве участвовали около миллиона человек. Видовдан. Куликово поле. Сталинград. Бесконечная одна и та же битва.

Очень хотелось плакать, но она смеялась. Он все знал, и она знала. Что ее смех пробивает дыру, страшную дыру во всей вселенной. Они со смехом приносили в жертву любовь. И она не могла уже ничего сохранить - все катилось комом вниз. Хотела ли она сохранить? Тогда она еще не знала, что только годы обернут все так, что те месяцы в зимнем городе окажутся такими счастливыми. А теперь она понимала, что тот день был последним. Последний днем ее не-одинокства.

Мама часто говорила: "Вот если бы он тебе позвонил он, ты бы вернулась?"

любовь это лекарство от холода, от тени, это колодец в пустыни, по которой ты идешь и не надеешься ни на что. это звезда, которая ведет тебя, а когда ты приближаешься отодвигается все дальше и дальше. это мечта. это просто мечта. и когда ты осознаешь это - то, что эта мечта для других - одиночество становится твоей вечной любовью.

я свою любовь знала, за ней гналась, она все время была в разных людях, и она всегда была один человек. я ее почти держала в руках.

я сделала столько ошибок, Господи. Потому что я не верила в Тебя. Я думала, что я всеильна, и что Ты всегда будешь помогать мне.

меня столько раз оскорбляли, оставляли плакать на улице, унижали, убивали. но я шла. я шла по этой пустыне, держась за маленькие ниточки любви к маме, городу, морю.

я по ней иду до сих пор...

бежать закрыв глаза. просто бежать. такое уже было. в 2009 году. у меня тогда была мама, которая меня страховала - мои рисования по ночам. стихи. картинки. я начинала рисовать в девять вечером. приходила в мою квартиру-мастерскую, до полуночи или до часу ночи рисовала. возвращалась по ночному городу домой. один раз я видела какую-то светящуюся фигуру на дороге. в три часа ложилась спать. в восемь вставала. я очень много успела сделать. тогда Господь посмотрел на меня. я Его увидела.

а теперь.. Господи, Тебе нужна была моя ненависть? я не умираю - давно умерла. моя мечта время и одиночество.

Дай мне выйти в окно и улететь от этого всего.

У меня новый друг - Константин Паустовский. Мои друзья меня успокаивают. Я улетаю из этой жизни, этого стола, офиса, документов, раздражения. улетаю на скалистый берег моря, где нет никого. только сухие кусты, чайки и ветер. улетаю в 1985 год. Туда, где был мир. Мой мир.

глаза совсем сухие. никогда не думала, что будет так. Господи, помоги мне сохранить.

я сегодня счастлива, я причастилась. и все отошло - эта злая туча, из-за которой я не спала почти в какой-то жутком кошмаре с канализационными трубами, выходящими в море, офисными проблемами, невероятной тяжестью в душе, яростью, раздражительностью - она лопнула. не стала дождем. только пылью. дьявол, я тебя знаю. ты знаешь меня. я люблю Бога. я буду за Него держаться столько, сколько смогу.

мои воспоминания. они то приближаются, то отступают. В Италии был один маленький балкон, который выходил на соседнюю стену. Там была натягивающаяся мансарда, мы выносили стол и стулья. На этом балконе рос огромный розмарин, огромный шалфей и мята.

мой домик в Италии... Где я говорила с Богом, где пила кофе на крыше, где мы ели с мамой пиццу при свечах. Я боюсь даже смотреть те фотографии. Мне все нравилось. И гора, и самолеты, и мое время. И террасы с цветниками. Но была где-то Россия. Это слово, тоскливая струна, что-то больше меня. Россия была настолько сильнее, что я не имела другого выхода, кроме побега.
Привет, Россия.

Мне очень тяжело здесь. Мне было комфортно в Италии. У меня была дорожка, по которой мы гуляли с Чаки. Ярмарка, барахолка, кафе, лес, сосны, море, Рим. Крыша, Господи, как ты мне нравилась. И зимой, и летом. Зимой тем, что напоминала Геленджик. Летом можно было смотреть на звезды, они были прямо сверху. Розы. Дожди. Грозы. Облака. Я так много рисовала, словно знала, что скоро это отведенное время закончится. Я искала. Рестораны. Пиццерии. Кофе. Мои дороги под соснами утром и вечером.

Я не хотела в Россию. Но не могла без нее.

Я так мечтала об Италии. Я из нее сбежала.

Россия.

Господи. Помоги нам выжить здесь. Помоги не сломаться.

В Твоей стране, в Твоей империи, где Ты испытываешь своих на прочность, помоги выстоять.

Ты мне столько дал. Спасибо Тебе за все.

И вот, в моем саду в Геленджике такой же шалфей, такая же мята. Скоро вырастет розмарин. Мой дом кочует со мной. Это он. И хоть с моей крыши я не вижу моря - я в нем плавала сегодня. Одно море - одно небо - и один дом.

Пять лет как нет со мной мамы. Но она со мной.

Мамочка. Мы все с тобой преодолели. Я не боюсь больше смотреть твои фотографии.

Господи. Благодарю Тебя за все....

"Холод", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...когда весь мир разрушился и в нем
нет больше места, падая в пустое
вбегаю как воровка в мастерскую
все оставляю и взлетаю ввысь...*

*чтоб видеть мир как будто птицей,
и оттянув мгновенье режу синь,
и маленьких дорожек роговицу,
и мир и люд и сор забытых дней.*

*деревьев одиноких отвлечение
и тонкую фигуру, что стоит
вдыхая замерев садов цветенье.*

*и вижу маму, что ведет меня
за руку по щемящему простору,
а это все - ненужное, глухое
отчаянье - не трогает меня.*

*и мы идем, под летних птиц дождем,
целуем свет, смеемся беспричинно,
и горных скал пугающий подъем
как миг - и ветер дует в спину...*

*...когда весь мир разрушился и в нем
нет больше места, выбросив потери
в молчании иду искать опять
опору, чтобы легким сделать время...*

"Воздух", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

ОЖИДАНИЕ

В Италии горы были почти такие же какие я видела в доме моей бабушки. На них горела телевизионная вышка и была написана огромная надпись "Ленин с нами". Самолеты в моем детстве облетали и делали круг в другую сторону, но они были над головой, и сочетание моря, гор и летящих сверху самолетов навсегда врезались как гравировка по металлу. "Московское время шесть часов", - и сразу начинался гимн Советского Союза. Вся семья собиралась на работу, а я оставался с печкой, турлучной стенкой, кошками, курами, инжиром и виноградом. И чистым-чистым осенним морем.

И когда ты почти погребен отчаянием, приходит призрак и протягивает тебе руку. Здравствуй, друг...

Иногда мне кажется, что я одна, и стою посередине молчаливого и стального неба. В эти минуты я вспоминаю о том, что где-то на другой стороне планеты есть ты.

И одно меня утешает: ты ушел первым.

Я живу. Мне много лет. Мне часто плохо. Я все время хотела бы плакать, но не могу уже. Мой выход в этом мире - много работать, писать, рисовать, что-то все время планировать, чтобы заглушить ту часть тела, которая отвечает за сердце.

Его во мне больше нет. Давно.

Я старое трухлявое железное дерево.

Почему, друг, мы с тобой оказались на разных частях планеты?

Когда мне очень плохо, когда не знаю, куда идти, что делать, когда не помню больше кто я, свое имя, свой путь, свой пол, я сажусь в одиночестве и упираюсь глазами в стену. Слезы сначала выдавливаются, потому что плакать разучилась тоже, а потом начинают тихо и трусливо ползти по щеке. у меня сегодня свободный день. я могу смотреть на деревья из мастерской. и ничего не делать.

я могу ничего не делать. я могу ничего не делать. ты не должна делать, ты можешь просто смотреть на деревья.

Он принес ей вещи в сумке, они стояли на улице возле метро. Он даже отвел в кафе и угостил любимым супом. Но она не плакала. Она смеялась. Это был какой-то бесконечный вечер.

завтра пять лет как нет мамы, как я одна на Земле. с утра мне два подарка - две большие инжирины и дождь... мама посадила дерево инжира в день когда я родилась. мой дом кочует т за мной по всем странам, городам, пейзажам. пейзажи меняются - а дом все тот же.

крыша, инжир, горы, дождь, розы. это не инжир - а конфета. такой вкусный. я могу просто ничего не делать....

мне казалось, что когда у меня будет время я напишу много романов, нарисую много икон, картин. а в итоге я в мастерской пью кофе и пытаюсь унять дрожь и колотящееся сердце. я говорю сердцу - сегодня выходной, можешь вообще ничего не гонять. ни кровь, ни время. можешь остановиться.

пять лет как меня нет на этой Земле.

У меня новый друг - Владимир Набоков. Написала его в помяник. Боль должна быть именно такая - как небо и бабочки. И ты знаешь, что тебе больно, но ни одним движением души не срываешься. Аристократизм.

иногда мне кажется, что не могу больше, а потом - что пусть бы оставалось все так еще на годы и годы. даже с этим количеством тишины я могу многое успеть. один день тишины в неделю - это подарок.

и еще я думала, как Господь все мне организовывал. он сделал кафель в моем доме таким же, какой мы положили с мамой в квартире, чтобы я его, мой дом, узнала. Он послал нам строителей из Ташкента. Он дал мне деревья, которые выросли ровно настолько, чтобы закрыть меня от всего и всех. я вижу только их верхушки и крыши. Виноград, сливы, инжир. Я даже выращиваю смешные маленькие помидоры. Варю лобио. Господь сделал все, чтобы скрасить мое возвращение в Россию. Возвращение к Тебе, Господи. Где Ты ходишь по верхушкам деревьев и отправляешь розовые облака отчаявшимся.

Пять лет. Пять лет как я осталась. Пять лет какой-то дороги, смысл которой я не понимаю.

я сварила себе гречневую кашу. дымящееся блюдце и дождь за окном. крыши, серое небо, шорох по виноградным листьям. кисточки.

Господи, я просила большего. На Ты дал столько сколько было нужно. Я не прошу больше. Только тишины.

И тогда я начну слышать лай собак за окном. Молчание птиц, а потом их вступление, когда дождь стихает. Я соединю все дома - бабушкин, где я родилась, мою крышу в Афганистане, мое маленькое пристанище в Бостоне, крышу в Италии, и этот мой последний дом. Каша, кошки, дождь, инжир, виноград и море рядом.

Бабушка на костылях, папа, приезжающий на автобусе на обед, мои помидоры. Мне нравился сад, одиночество, кошки, куры, деревья, стихи Пушкина, которые мне читала мама. Когда ни о чем не мечтаешь - это истинное счастье.

Я хочу остановиться. Услышать звук пчелы, шорох капель, звук воды из-под колес далеких машин.

Я устала бежать, Господи. Я купила собрание сочинений Пушкина. Мне нужно все обдумать - где я и куда мне.

Пусть моя жизнь не будет напрасной.

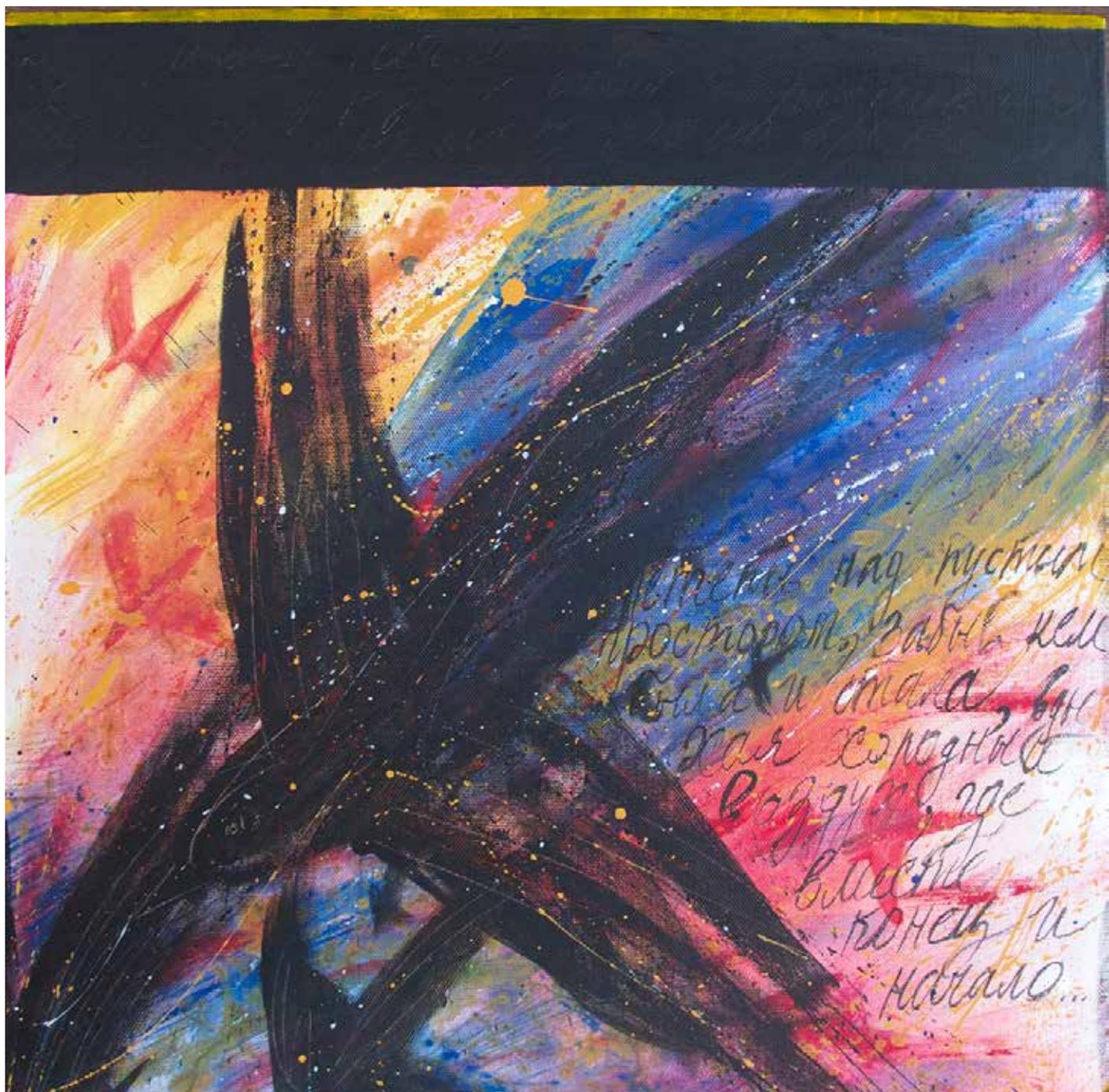
Рисовать память. Бабочку на цветке. Облако. Летний дождь. Белый день.

Одиночество. Небо. Мой мир.

Писать что-то несерьезное. Не длинное. Достаточное, как дыхание. Как качели, которые летят над миром на очень большой высоте.

Где война - чиста.

А мир - теплый. Где ты ведешь меня за руку.

"Начало", холст, акрил, 80X80 см.

*...когда все плохо, и не знаешь ты
куда идти или во что вцепиться
когда все обращаются к тебе
за помощью - а ты лишь единица
бессильная, бессмысленная тварь,
когда-то мнившая о чем-то главном,
забудьте обо мне - мой легкий мир
разрушился. рассыпался на камни.
и одиночество - оно заплыло все
в нем утонули слезы и усталость
я помню что-то теплое, но в нем
так мало от меня осталось....*

*...не предавай искусство, ведь оно
тебя неслышно никогда не предавало,
оно тебя вело, вело, вело
давало руки, встречи, умоляло
и поднимало с самого конца,
черневшего молчанием могильным.
и были утра, и была трава,
и что-то теплое и личное как крылья.
была она, как призрак над тобой,
растерзанной, раскрашенной, добитой,
и прыгали все праздная убой -
но ты как зарево спускалась тихо
с неба...*

ОЖИДАНИЕ

В Италии горы были почти такие же какие я видела в доме моей бабушки. На них горела телевизионная вышка и была написана огромная надпись "Ленин с нами". Самолеты в моем детстве облетали и делали круг в другую сторону, но они были над головой, и сочетание моря, гор и летящих сверху самолетов навсегда врезались как гравировка по металлу. "Московское время шесть часов", - и сразу начинался гимн Советского Союза. Вся семья собиралась на работу, а я оставался с печкой, турлучной стенкой, кошками, курами, инжиром и виноградом. И чистым-чистым осенним морем.

И когда ты почти погребен отчаянием, приходит призрак и протягивает тебе руку. Здравствуй, друг...

Иногда мне кажется, что я одна, и стою посередине молчаливого и стального неба. В эти минуты я вспоминаю о том, что где-то на другой стороне планеты есть ты.

И одно меня утешает: ты ушел первым.

Я живу. Мне много лет. Мне часто плохо. Я все время хотела бы плакать, но не могу уже. Мой выход в этом мире - много работать, писать, рисовать, что-то все время планировать, чтобы заглушить ту часть тела, которая отвечает за сердце.

Его во мне больше нет. Давно.

Я старое трухлявое железное дерево.

Почему, друг, мы с тобой оказались на разных частях планеты?

Когда мне очень плохо, когда не знаю, куда идти, что делать, когда не помню больше кто я, свое имя, свой путь, свой пол, я сажусь в одиночестве и упираюсь глазами в стену. Слезы сначала выдавливаются, потому что плакать разучилась тоже, а потом начинают тихо и трусливо ползти по щеке.

у меня сегодня свободный день. я могу смотреть на деревья из мастерской. и ничего не делать.

я могу ничего не делать. я могу ничего не делать. ты не должна делать, ты можешь просто смотреть на деревья.

Он принес ей вещи в сумке, они стояли на улице возле метро. Он даже отвел в кафе и угостил любимым супом. Но она не плакала. Она смеялась. Это был какой-то бесконечный вечер.

завтра пять лет как нет мамы, как я одна на Земле. с утра мне два подарка - две большие инжирины и дождь... мама посадила дерево инжира в день когда я родилась. мой дом кочует т за мной по всем странам, городам, пейзажам. пейзажи меняются - а дом все тот же.

крыша, инжир, горы, дождь, розы. это не инжир - а конфета. такой вкусный. я могу просто ничего не делать....

мне казалось, что когда у меня будет время я напишу много романов, нарисую много икон, картин. а в итоге я в мастерской пью кофе и пытаюсь унять дрожь и колотящееся сердце. я говорю сердцу - сегодня выходной, можешь вообще ничего не гонять. ни кровь, ни время. можешь остановиться.

пять лет как меня нет на этой Земле.

У меня новый друг - Владимир Набоков. Написала его в помянник. Боль должна быть именно такая - как небо и бабочки. И ты знаешь, что тебе больно, но ни одним движением души не срываешься. Аристократизм.

иногда мне кажется, что не могу больше, а потом - что пусть бы оставалось все так еще на годы и годы. даже с этим количеством тишины я могу многое успеть. один день тишины в неделю - это подарок.

и еще я думала, как Господь все мне организовывал. он сделал кафель в моем доме таким же, какой мы положили с мамой в квартире, чтобы я его, мой дом, узнала. Он послал нам строителей из Ташкента. Он дал мне деревья, которые выросли ровно настолько, чтобы закрыть меня от всего и всех. я вижу только их верхушки и крыши. Виноград, сливы, инжир. Я даже выращиваю смешные маленькие помидоры. Варю лобио. Господь сделал все, чтобы скрасить мое возвращение в Россию. Возвращение к Тебе, Господи. Где Ты ходишь по верхушкам деревьев и отправляешь розовые облака отчаявшимся.

Пять лет. Пять лет как я осталась. Пять лет какой-то дороги, смысл которой я не понимаю.

я сварила себе гречневую кашу. дымящееся блюдце и дождь за окном. крыши, серое небо, шорох по виноградным листьям. кисточки.

Господи, я просила большего. На Ты дал столько сколько было нужно. Я не прошу больше. Только тишины.

И тогда я начну слышать лай собак за окном. Молчание птиц, а потом их вступление, когда дождь стихает. Я соединю все дома - бабушкин, где я родилась, мою крышу в Афганистане, мое маленькое пристанище в Бостоне, крышу в Италии, и этот мой последний дом. Каша, кошки, дождь, инжир, виноград и море рядом.

Бабушка на костылях, папа, приезжающий на автобусе на обед, мои помидоры. Мне нравился сад, одиночество, кошки, куры, деревья, стихи Пушкина, которые мне

читала мама. Когда ни о чем не мечтаешь - это истинное счастье.

Я хочу остановиться. Услышать звук пчелы, шорох капель, звук воды из-под колес далеких машин.

Я устала бежать, Господи. Я купила собрание сочинений Пушкина. Мне нужно все обдумать - где я и куда мне.

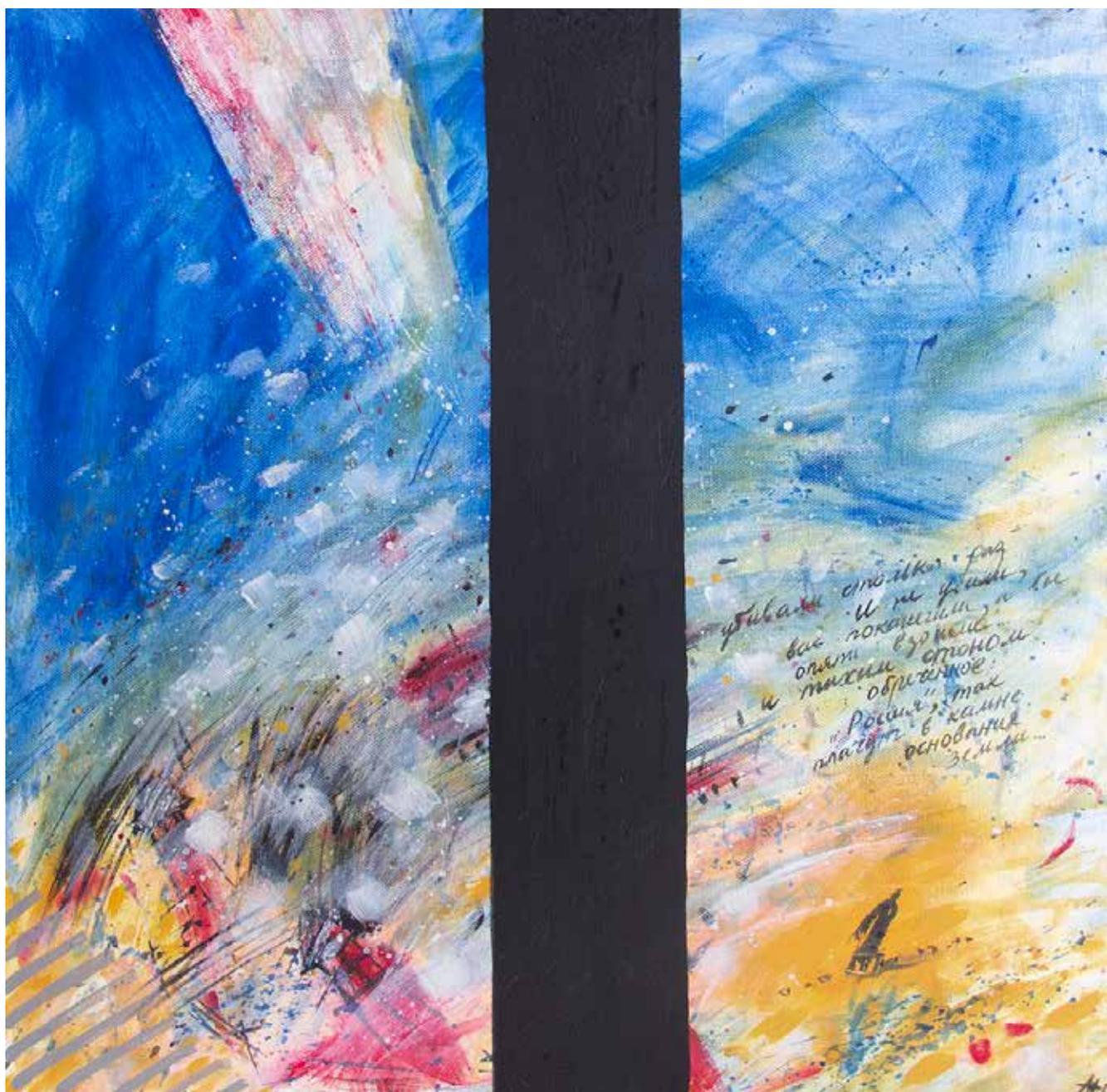
Пусть моя жизнь не будет напрасной.

Рисовать память. Бабочку на цветке. Облако. Летний дождь. Белый день. Одиночество. Небо. Мой мир.

Писать что-то несерьезное. Не длинное. Достаточное, как дыхание. Как качели, которые летят над миром на очень большой высоте.

Где война - чиста. А мир - теплый.

Где ты ведешь меня за руку.

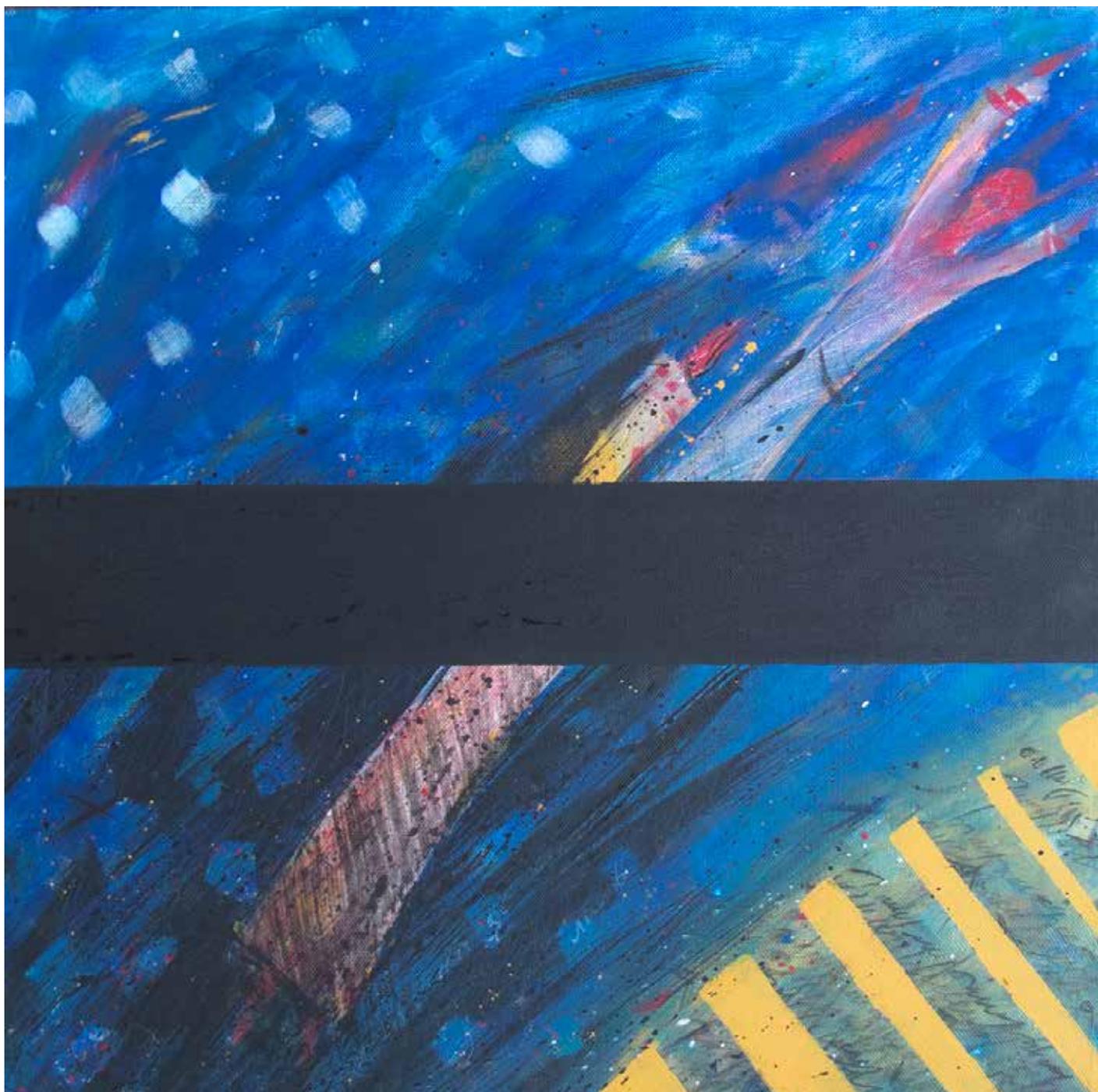
"Россия", холст, акрил, 80Х80 см.

*...ветер звенит в высоте, он то тихий, то громко-важный,
он несет все мои жизни в светло-синий диафильм
и вот я уже блуждаю по тем снам, местам, чувствам:
здесь стол и стул в саду пронизанные светом,
утро в парке, причал у моря, мама и гиацинты.
время стало круглым и соединилось.
ветер несет снег из цветущих слив и запах апреля.
когда меня не станет, он расскажет вам,
что я пыталась догнать его всю свою жизнь.
он засмеется вам в лицо, а я тихо опущусь на локти
и прошепчу: "Бессильна"...*

"Глубина", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...птицы это точки в небе,
это пчела упавшая в фонтан,
это облака, которые так и не стали дождем,
это моя нелепая попытка убежать
в сердце, которое
имело столько любви,
что любовь во мне разочаровалась.
птицы - это моя грусть, когда я
уверяю себя, что все хорошо.
ничего не хорошо, у меня ватные ноги и
бессилие внутри. птицы - это когда
ты еще имеешь веру, чтобы
взлететь, а когда нет - птицы уходят
пешком по берегу моря,
они идут с опущенными крыльями, а в конце замирают.
птицы - это лечь на песок, смотреть в небо
и замолчать...*

"Снег", холст, акрил, 80X80 см.

СНЕГ

Я расскажу вам о моем городе. когда моя мама сюда приехала, она решила остаться. она всю жизнь мечтала жить на море. маме дали путевку, она работала воспитателем в детском саду в Минске. И она поехала. В Геленджике она поселилась в санатории "Кавказ". Это такое удивительное место в самом центре бухты, заросшее пицундской сосной. И на танцах, как тогда назывались дискотеки, она познакомилась с очень красивым импозантным офицером, младшим лейтенантом. Им был мой папа. Как папа часто повторял: "Черт отвернулся, и мы встретились". А еще добавлял: "Я не обещаю тебе богатства, но любить буду вечно".

Когда мне очень плохо, я когда я остаюсь одна - они оба мне снятся.

И так я оказалась в этом городе. Сначала этот город был нашим домом. Мы жили в самом центре, в старом коммунальном доме, недалеко от администрации. Дедушка работал в горкоме после войны и поэтому ему выделили такое престижное на то время жилье. Бабушка не работала, так как была инвалидом. Она упала в подвал во время одного из наводнений и на всю жизнь повредила ногу, ходила на костылях. Я родилась в этом доме, который мне все время снится. Он снится мне всю мою жизнь. Горы из окна, с горящей телевышкой и белыми куполами военной станции слежения, старый инжир, калина, смородина, кусты сирени, туи, орешники, туи.

Заросший, субтропический двор, который в моей памяти давно превратился в эдемский сад.

А потом дом стал уменьшаться - мама уходила на работу, я оставалась одна, ходила на море, которое было всего в двух кварталах. Море было везде, его запах, тишина. Я собирала семена в городских палисадниках и сажала, я покупала цыплят на рынке, я покупала пшеницу на корм, куриные лапки кошкам. Дом находился на главной улице, на которой папа стоит на фотографии в белой рубашке и белых широких брюках. Одним концом улица упирается в гору, другим - в море.

Из этого всего - дома, смородины, инжира, горы и моря разросся мой город.

Когда мне в самых далеких странах было часто плохо, когда я плакала, оставалась одна, не видела смысла идти дальше - он давал мне силы тем, что он был. В моей жизни был любимый город. И как было удивительно узнать, что не у каждого город, где он родился - любимый. Мой же эдемский сад разросся до всего Кавказа шаг за шагом. Я прогуливалась школу и мы шли по набережной в любую погоду пить кофе. Я видела все эти листья и небо так много раз, я видела море во всех его состояниях, я видела ущелья и храмы, горные водопады и чистойшую гладкую воду утром. В моей жизни было время, когда я приезжала в город после учебы на летние каникулы и тогда я могла гулять по набережной бесконечно. В последний

раз я помню набережную, когда мы пили кофе с мамой. После этого мама ушла на небо, я вернулась из всех моих мест в город, сдала квартиру, где мы жили с мамой в последние несколько месяцев, похоронила папу и на набережную больше не ходила.

Но я вернулась. И не понимала зачем. Просто знала, что надо было куда-то наконец вернуться.

Жизнь сделала мертвую петлю, я упала в то же место. Город был рядом, он стал престижным, даже с претензией. На набережной больше не ходили козы и коровы, а была проложена велосипедная дорожка и ездили гироскутеры, набережная утопала в цветах и ресторанах.

И в моей жизни тоже что-то менялось: я окончательно решила выбраться из этого тупикового замкнутого круга, куда попала после смерти мамы. Я хотела снова учиться, рисовать, писать. Я закончила литературные курсы, отнесла работы на продажу в художественный салон.

В меня очень медленно стала снова затекать жизнь.

Мне казалось, что настанет день, и я больше не испугаюсь выйти на набережную своего города. Что я куплю себе новый этюдник вместо моего старенького любимого, оставленного в Дубае. Что я выйду на мою набережную с этим этюдником. Что я куплю себе масляные краски, ведь я так любила запах скипидара. И я буду стоять там, как будто рядом мама - и рисовать. Я перестану прятаться от самой себя, думая что моя жертва имеет смысл. Что я перестану себя ненавидеть за свою слабость.

Может быть наступит день, когда я решу, что все без меня обойдется. Я хотела написать о городе. Мой город всегда давал мне силы жить. А когда я сюда вернулась - то умерла. Я умерла вместе с мамой, легла вместе с ней в гроб, и решила, что это правильно. Я стала делать то, что мне говорили делать, я не сопротивлялась, я послушно делала абсолютно всю подряд работу. Ту, от которой другие отказались. Я больше никуда не шла и не хотела идти. Я зашла в тупик. Я ненавидела людей и себя за свою слабость жить.

Город. Я живу здесь, возле этих гор и моря. И боюсь посмотреть тебе в глаза. Мне стыдно.

И город мне отвечает: "Вставай. Ну вставай же уже... Ведь так нельзя больше... Ведь смерть так и не пришла за тобой...".

Помоги мне, Господи....

Помнишь, как ты меня отвел учить английский?

Помнишь, как мы стояли в супермаркет в очереди, боясь купить лишний йогурт, а впереди работники океанариума завалили ленту такой кучей продуктов, которых

нам хватило бы на год?

Помнишь как мы плакали на мосту над Фонтанкой? Ты подарил мне Царское Село, а я тебе - Геленджик.

было время когда мне хотелось кричать, потом хотелось всех обличать. а теперь - чтобы все обо мне забыли.

все, что есть я - это спичечный коробок трухи и пепла, но я - это целая вселенная, где разливается красками каждый день. все, что я помню - удивительный невероятный мир, в котором я имела честь жить.

я просила Бога дать мне какую-нибудь забивающую мозг работу, чтобы я забыла о маме. прошло пять лет. я могу помнить о маме без слез.

мы сегодня были на даче писателя Короленко. Каменный дом, внутри деревянные полы покрашенные рыжей краской, печь в стенку, дубовая мебель, зеркало до пола, деревянная веранда, туи.

Господи, я в таком доме родилась. Я не знаю, чей он. Какого-нибудь инженера или военного, служившего в геленджикском гарнизоне. Но в моем детстве был рыжий пол, толстые каменные стены с осыпающимся покрытием, побеленные известью, стеклянная веранда, туи, печка со стенкой, дворовые постройки, окно в сад, ступеньки. И даже дубовое зеркало во весь рост.

Это был старый дом, его не строил мой дедушка, ему его дали по партийной работе. Этот дом наполнил меня воспоминаниями.

Как и сегодняшней - дача писателя Короленко.

Чтобы быть писателем нужно пространство и время. Знал ли он, вернувший царю присягу писатель-революционер Короленко, что благодаря таким как он все будет помято, разбито, разрушено и этот столетний хаос никак не может закончиться. Дача писателя Короленко - это сто гектаров земли, гор, виноградников. Какие смешные люди...

Мы никогда не знаем современников. Мы думаем, что все умерло, разрушено, искусство, стихи, слова, но ведь Набоков не знал, что где-то на Колыме пишет Шаламов. Набоков не знал, что в стол пишет Булгаков, ни на что не надеясь. Нужно так жить. И нужно постоянно находить прошлое в настоящем. Каждый старый дом - это окно в другое измерение. Это разговор.

Дом на винограднике. Чей он? Агронома, или Фирсова, основателя геленджикской винодельни? Там есть сад, источник, вид на поля, то, что осталось от окон, каменные стены, туи, лилии и известковые стены.

Они не встретились в последний раз. Она не пришла на ту встречу. Или что-то перепутал телефон. Она до сих пор не знает, что он хотел ей сказать.

Как странна жизнь... Как беспощадна.

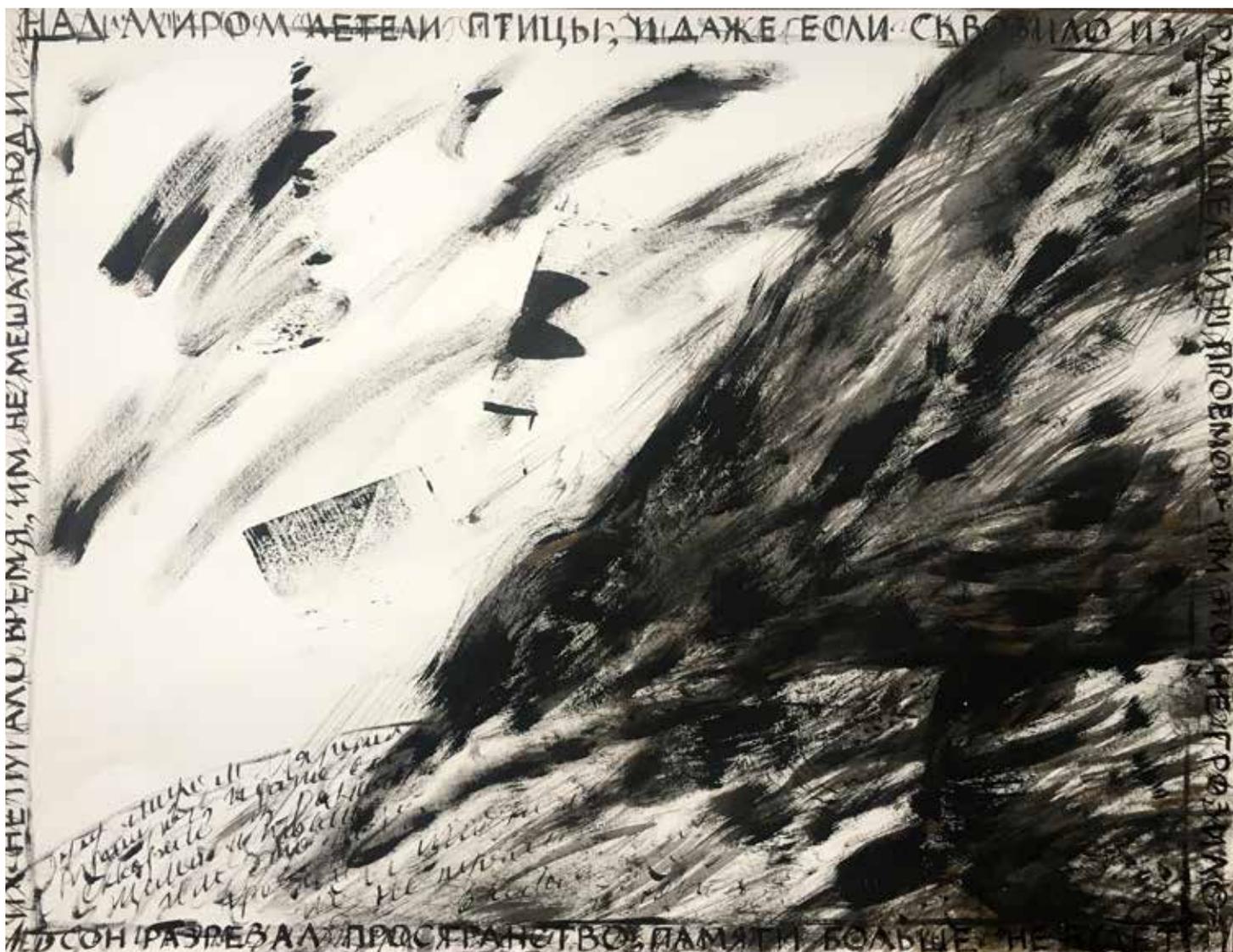
Она до сих пор ждет его звонка.

Память - это то, что нас подымает с колен...

*...когда ты меня заберешь отсюда
я буду легкой, я буду как чудо,
я буду смотреть на желтые листья
до слез на глазах, наконец - я буду.*

*я буду смотреть на море так долго,
пять часов, или может восемь,
видеть рассвет и закат над бухтой,
никто меня ни о чем не спросит.*

*когда ты меня заберешь отсюда
я буду жалеть лишь о том, что знала,
что цвет воды, ее вкус соленый
есть самая светлая грань печали...*

“Птицы”, бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...над миром летели птицы
и даже если сквозило
из разных щелей и проемов -
им это не грозило.
их не пугало время, им не мешали люди,
сон разрезал пространство,
памяти больше не будет...*

*...а я встречаю осень
мое самое лучшее время
мое любимое время
осенью я всегда уезжала
туда где было страшно.*

*я шла по лесу и над горами
желто-зелеными и дымчато-тихими
стояло дождевое ребристое небо
глубоко синее
я в нем два белых облака
и я говорила : "Небо, прости все мои скуления, ты всеобъемно,
непостижимо. Лишь я бесконечно плачу"*

*а я встречаю осень ...
время, когда я собирала вещи,
в нем я мечтала о завтра,
и по привычке хочется
запрыгнуть в такси на самолет.
и даже если завтра было нелепым -
я рада тем осенним мечтам.*

*мой лес отвечал мне шепотом.
редкой скользящей птицей,
сухими листьями, голыми ветками боярышника,
синим терном и оранжевым шиповником.
и оттолкнувшись от леса я улетала в небо,
где соединилось все: воспоминания и мечты,
они перемешались так, что я уже не могла различить их.*

*приходил имбирный запах уюта, говорящий:
"Завтра праздник. Рождество Богородицы".
И моей бабушки. Значит скоро зима.*

*а я встречаю осень. фильм "Сладкий ноябрь".
мои сны. мой город. море. мой ветер.
и даже если нет в кармане билета-
я отрываюсь, подпрыгивая.
я лечу, и небо полощет волосы,
я лечу, и мир становится меньше и проще,
я забываю вас, я остаюсь без ничего.
Потому что Ты пришел за мной -
Мой свет...*

СВИДАНИЕ

Помнишь, как мы сидели на камнях в Рокпорте?

Фотоаппарат Ломо? Электрички в Питере и в Бостоне?

Я есть, потому что был ты.

когда мне так плохо, как сегодня - я сжимаюсь. я сжимаюсь и опускаюсь в солнце. в этом солнце мы идем по берегу моря. мы все счастливы, все впереди, мы любим друг друга.

когда мне плохо, ко мне во сне кто-нибудь приходит.

Господи, прости меня за то, что я не ценила то, что ты мне давал. Что предавала. что не сохранила любовь. И теперь, когда я осталась совершенна одна в этом мире, настолько одна, что не плачу, потому что слезы мои никто не будет утирать. Никто не будет думать, кем бы хотел меня видеть, что бы я делала, кем бы могла быть в идеале. Ни с кем мы не поедем путешествовать и открывать новые места, пить шампанское в парках и смотреть на листья. Но я не расстраиваюсь - потому что меня нет больше в этом мире. Меня нет. Я больше не могу здесь, и поэтому я улетаю в мой осенний желто-красный мир. Там будут ходить поезда по мостам над городом, мы будем пить кофе на Град Базаре, я буду смотреть на океан, камни и маяки. Я буду сидеть на берегу моря опустив ступни в воду. Все что вокруг - вся эта возня, ненависть, люди, телефоны, - меня больше не касается. И пусть мне иногда снится теплый сентябрь и те, с кем я иду по парку и разгребаю листья. Я не одна. Вы меня любите откуда-то с неба. И я буду жить с вами.

А этой мир я оставляю миру. Меня больше нет здесь. Я больше не могу здесь. До свидания.

Я улетаю туда, где оставила свою любовь.

Найти себя. Мне подарил вчера батюшка огромный бронзовый крест, изготовленный в девятнадцатом веке.

Где я? Куда я иду? Почему иду и все время стою на месте? Мне нужно научиться так виртуозно жить и маневрировать, чтобы все эти искривления поверхности жизни никак на меня не влияли.

Нужно наконец научиться читать узоры жизни. Нужно все составить в одно.

Я еще не знаю, что мне рисовать, в голове хаос из воспоминания. Моих и чьих-то.

Война, свет, тьма, Крым, Одесса, тучи, мама, наш старый дом, мой отчаяние, мой город, одиночество, - все такое разное. Как это все соединить? И что это? Зачем.... Словно узоры на песке. Их кто-то пишет с неба, а волны их смывают.

Пустыня. И свет. Иероглифы, которые проявляются из света.

О чем все это, Господи... Помоги мне.

Господи, Господи, Господи....

Утром я вижу какие-то цветы, растения. Вижу косяк птиц в небе, сову, заходящую в круглую дыру в бетоне, небо, облака, город после ночного ливня. Я пью кофе, смотрю на людей. Я стараюсь остаться живой. А потом начинается офис, люди, раздражение, письма, ненависть. И все уходит. Утро, которое протянуло мне руку, одергивает ее и уносится вверх, в небо. Но нужно научиться взлетать из любого состояния. Мир не должен тебе повредить. Пусть весь мир принимает все возможные формы, чтобы заставить меня забыть - но я помню.

Я помню Стамбул, ночное небо над Золотым Рогом. Я помню мою крышу в Италии, птиц и небо. Я помню маму. Я помню суп в Бостоне. Я помню мои пустыни и Афганистан. Я помню, кем я была, кем я мечтала быть. Я помню свой этюдник, который остался в Дубае. Помню крышу, где я рисовала в Мазари-Шерифе. У меня никогда не было времени, я всегда воровала его.

Они видят меня. Мама меня любит.

Человек наращивает на себе кожу носорога, чтобы превратится в итоге в скопление примитивных рефлексов - сон, еда и забытье. Это даже уже не отдых. Я часто спрашиваю себя - зачем Господь меня все еще здесь держит, я же больше не человек. Я больше не человек, и все что я делаю это написанное в списке. Раньше я была красивая, отражение в зеркале, много мыслей, смотреть на море, сосны над головой, мечты. Любовь.

привет мир. мне страшно. мне страшно за ту жизнь, которую я живу.

я не пытаюсь больше ничего изменить. приступы зависти быстро проходят от того, что мне некуда бежать. я хотела быть художником. в 2010 году я бросила дизайн, уехала в Италию и стала рисовать. я благодарна Богу за эти годы. у меня была крыша, свободное время, я много читала, писала, гуляла и сочиняла тексты. я стала рисовать там - у меня появились свободные силы и время.

потом я вернулась в Россию - умирала мама. когда она умерла я все забыла. я даже забыла русский алфавит. я училась писать заново. я осталась в России, потому что не было другого выхода, здесь оставались папа и школа. и началась школа. я пыталась школу спасти, раскрутить, заставить работать. поднять, завести. у меня закончились силы. я хочу отойти в сторону. я потеряла пять лет своей жизни на попытки поднять бизнес. скоро мы закроем второй офис. мне уже не обидно. мне

уже ничто не обидно. мне нужно будет преподавать уже послезавтра. у меня нет сил - ни огорчения, ни радости, даже реагировать. я устала так, что каждое утро когда я просыпаюсь это боль от того, что нужно как-то продолжиться в том, что есть.

я просила Бога о выходе. хоть каком-то. я решила, что все нужно забыть - и я забыла. весь этот груз - аренды, зарплаты, имущество - я не могу его больше тянуть. я хочу забыть все.

забыть и отойти в сторону. пусть этот поезд едет туда, куда еде. Господи, можно я сойду с него?

что ты будешь делать сойдя с поезда?

неделю смотреть в потолок. вспоминать мои мечты, ведь они у меня были. вспоминать то, что дает мне силы. рисовать чеснок. помидоры. на другое просто нет сил. проекты, идеи, мечты - должно пройти время, чтобы хоть что-то появилось в душе.

я вспоминаю Черветери, Италию. конечно я жалею, что мы уехали. я очень устала, и поэтому чтобы не расстраиваться я просто говорю себе - ничего этого не было. тебе это все приснилось. сосны, крыши и небо над Римом.

Геленджик - это лучшее место на земле. я не вижу его. я не вижу моря, я не говорю с ним. я сижу в офисе и пытаюсь спасти школу. я больше не могу ее спасти. пусть все тонет.

я так скучаю по Геленджику находясь здесь. я хочу выйти на берег, сесть на лавочку, что -то писать. может рисовать. я забыла что такое рисование. даже дизайн. даже тот ненавистный дизайн, от которого я сбежала в искусство теперь для меня как идеальная жизнь.

после пяти лет завхозно-офисно-сектерарской работы.

я сделала все. что могла, господи. я могу больше. просто не могу. я хочу несколько месяцев спать. спать и смотреть в окно. просто смотреть в окно. у меня не осталось никаких сил ни на что.

мои мечты? я хотела быть художником

Я хотела рисовать, писать иконы, писать повести и романы.

Я и сейчас хочу того же самого. Мои мечты остались такие же, как и в 1998 году - рисовать ангелов, бродяжничать и смотреть на море и крыши.

если бы у меня была бомба - я подложила бы ее и взорвала тут все.

Господи, Ты же видишь все. Выведи меня. У меня больше нет сил искать путь.

Выведи меня на дорогу.
Я хочу рисовать, писать иконы, повести.

Я хочу снова быть живой.

Я хочу быть живой Господи.

Просто заплакать.

Есть мороженое. Гулять по набережной. Покупать билет на самолет.

Рисовать чеснок и помидоры.

Не преподавать ничего. Замолчать. Забыть все.

Господи, услыши меня. Ты же видишь, что я не могу больше. Мне все время видится Санкт-Петербург, мосты, лодки, моя душа вырывается из этого замкнутого круга и кричит - разбей этот телефон.

Господи, выведи меня.

Я не могу больше....

Не замечаю как исчезают дни. Только было первое июля, сегодня шестнадцатое. Это такая ночь - когда не только не видишь выхода, но даже не идешь его искать.

Любовь?

Мне некуда бежать, и на новый побег нет больше сил.

Я была успешным графическим дизайнером, у меня были выставки в музеях, обо мне писали в журнале, я получила несколько премий.

Я научилась писать иконы, я умею писать иконы. Я умею рисовать картины. Я научилась этому.

Я закончила курс по литературному мастерству. Я знаю теперь стихотворные размеры. В эту мастерскую меня направило небо. Я не очень хотела. После окончания мастерской мне нужно начать писать по странице в день. Это будет или повесть, или роман. И не о том, как пить кофе в мастерской и скучать по морю. О чем-то более серьезном.

Господи. Вот я и вышла в чистое-чистое поле. Ветер так засушил листья на деревьях, что они согнулись в одну сторону и сгорбились. Везде почему-то что-то загорается. Я почему-то иногда вспоминаю о любви. Мне нужно вернуться к себе и снова полюбить себя. Я все знаю. Я все знаю, как знала с 17-ти лет.

Господи, я прошу. Дай мне путь, освяти мне дорогу, по которой мне идти. Я стою посреди пустыни одна, разбитая, поверженная и забывшая все. Дай мне Господи делать то, что Тебе нужно.

Дай мне снова поднять голову и увидеть небо. Выйти и этого колеса, бега, отчаяния.

Увидеть небо несмотря на отчаяние. Войти в другую дверь. Найти кого-то там, о ком я не знаю. Дай мне путь, Господи.

Я хочу вспомнить себя. Я обещаю, что вернусь.

Господи, я видела так много. Столько красивого. Но самое лучшее воспоминание - это кораблики в бухте Золотой Рог. Когда я на них смотрела, я думала, что не умру.

А все остальное, я знаю, что это где-то есть. Потому что я уже была там. И не была.

Девушка в кофейне. Дождь на стекле. Дамаск. Тунис. Марокко. Крит.

Я как-будто прощаюсь, но хочу продолжиться, Господи.

“Надо перемениться физически или умереть”, — говорит Кириллов.

“Надо перемениться духовно и жить”, — отвечает Достоевский.

Таким образом он определил главную идею русской литературы.

*...когда-нибудь
мой мир расколотый,
разбитый,
серый в трещинах,
в котором больше нет
ни уголка тепла
лишь горы, море,
в котором нет
меня и мамы -
он сложится обратно
в чистый, нежный узор
из наступающей весны и ветра.
и в страшной тишине
реальности
я вновь услышу
музыку...*

"Высота"; бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...небо синего цвета
высоко - высоко
курится дым из труб, по ночам
теплым запахом уносят цветущие
абрикосы, я иду по улице Краснодар,
как когда мне было 16 лет.
все вернулось. я вижу, наконец,
что все вернулось.
моя мама жила в гостинице на Красной,
мы ели с ней перец в номере,
все ушло, а остался перец...
она была красавица, а я только приехала,
училась ездить в трамвае,
ходить вечером по шуршащим листьям,
читать, словно хватаясь за спасательный круг.
Ей был сорок один год, а мне - сорок пять.
Улица Красная, я в отеле.
Не в такой советской гостинице как тогда,
а в симпатичном армянском отеле,
где за окном кричат дети: "Давил, Давид!"
Ем яблоки, мандарины, лежу в белой постели.
Тогда впереди была белая дорога,
которая завершилась.
Множеством тупиков, поворотов,
спиралей, слез, закончившихся
равнодушием, я вышла из
этого трамвая, и стою
под темно-синим небом,
замерла.*

*Но по той странности, как
свалились на мою голову
эти цветы, кровать и передышка -
вижу руку Твою. И уже не обидно так
за жизнь, которая все чаще
кажется ошибкой....*

ЖИЗНЬ

Я благодарю тебя, друг, что узнала, что такое всемогущество. Я никогда больше не смогла быть такой сильной и такой слабой. Я знала, что такое красота и что такое любовь. Когда забываешь на день, месяц, год об одиночестве.

Нас обманули, друг. Ты же понимаешь. Мир обманул нас, а мы не распознали обмана.

Такой ветер. он приносит воспоминания. Как-будто я маленький сухой лист и лечу. мне сегодня снилось, что я легла в могилу как в кровать. в яму выкопанную в земле. и мне было так хорошо, так спокойно.

мой бег - он пустой. он не приносит плода. плод будет когда уйдет желание смерти. тогда ты поймешь, что снова стал на правильную дорогу.

и тогда я вспоминаю Константинополь. Мне часто кажется что память не может весь этот ворох информации держать в активном состоянии, но она никуда не пропадает. Я могу вспомнить, как на меня летела птица, когда я была в коляске. Маму, как она перед сном читала книги, крутя головой по спинке кровати. Папу, который возвращался в военной форме с военной части. Наш полуразрушенный дом, который был для меня первым и последним царством. Все его деревья - орешник, калину, яблони, сливу, инжир, смородину. Все огромных размеров - или это я была маленькая. Это был коммунальный дом, жактовский, как тогда говорили. В этом длинной старом доме, хозяином которого был наверное военный, или какой-нибудь инженер, ведь дом стоял в самом центре города, жили три семьи. Внутри были разные постройки, даже амбар с погребом, который моя бабушка приспособила под домик для гостей. В доме были разные комоды темного дерева, огромный дубовый шкаф с зеркалом, венские стулья, деревянные крашенные полы. У нас конечно не было самовара на столе и красивых вязаных скатертей, но я помню печку во всю стену, радиолу, большое окно, огромный ясень во дворе, венские стулья.

мой мир. моя жизнь. почти осень. двадцать шестое августа. я прожила четыре года в Италии, и это была как целая жизнь, а потом пять лет в Геленджике. я почти ничего не помню. у нас появился дом, у меня появилась красная машина. у меня была выставка в галерее, победа в биеннале, я видела Крым и Абхазию, я опубликовала две книги, написала семь икон. и все. вот и все пять лет. все остальное - школа, бесконечные скандалы из-за денег, выживание, невозможность открыть глаза утром - я хочу забыть.

Господи, я хочу забыть все. пусть все идет как идет. я не могу больше переживать, отчаиваться. я не буду больше рисовать, писать. я не хочу ничего больше. я хочу

просто смотреть в окно.

просто смотреть в окно. видеть море. все эти страшные будни со школой, поиском сначала студентов, потом преподавателей, поиском денег, чтобы оплатить аренду - я хочу забыть все.

забыть все. чтобы снова хотя бы захотеть рисовать. чтобы перестать ненавидеть жизнь и Бога за то, что она так закончилась.

в маленьком городе, в маленькой школе, без возможности хотя бы путешествовать, без возможности купить билет на самолет. без возможности просто найти другую работу.

Господи, прости меня, пожалуйста. Я знаю, я не ценила то, что Ты мне дал в Италии. Я не перестану просить у Тебя прощения. Я плачу уже столько лет за то, что я хотела вернуться в Россию. Я думала, мы будем жить, ездить, Паоло будет фотографировать, я рисовать, писать иконы. Я никогда не мечтала, что все обернется так - моей работой секретарем и Паоло, который ремонтирует компьютеры и преподает итальянский, и мы не знаем, как заплатить за сентябрь. Господи, прости меня. Что мне теперь делать. У меня больше не уныние, и не отчаяние. У меня то, что приходит после отчаяния. Я хочу все забыть. Все забыть и начать сначала. Забыть, что я училась рисовать, защищала кандидатскую по истории искусств, видела Италию, Бейрут, Стамбул, Дубай, Афганистан. Я ничего этого не видела. И поэтому мне нечего вспомнить. Я все забыла.

Я могу просто жить. Просто жить и покупать помидоры.

Я недавно посмотрела свои мечты на Новый Год - и разорвала их. Это все бред, который невозможно выполнить. Потому что я не могу бросить работу и мужа одного наедине с ней.

Мне страшно, Господи. Я действительно больше ничего не хочу.

Ничего не хотеть. Вообще ничего. Просто исчезнуть. Делать на автомате то, что осталось делать. Не мечтать. Исчезнуть. Не быть.

Забыть о себе и отдохнуть....

От того, что нужно к ему-то стремиться, кем-то быть.

Хотеть то, что Господь хочет чтобы ты делала.

Нужно ехать в монастырь.

И если Господь умиловится, Он мне даст путь вперед.

Я хочу помнить еще больше, вспомнить все в трехмерном измерении, с запахами, будущим. Но у меня не получается. Только стрекот цикад. И белые стены города.

Лето.

Я без тебя пытаюсь жить, хотя это совсем не жизнь. Я просто иду вперед. Потому что идти назад нельзя. Потому что, если я пойду назад, или просто буду сидеть на месте и скулить, ты разочаруешься.

первый день в мастерской.

весь дом покрыт толстым слоем пыли.

я не знаю, где меня год носило.

я забыла свою душу в парке, мне нужно найти ее.

в парке в каком-то дорогом мне городе.

в Бостоне, Санкт-Петербурге, Стамбуле.

весь год я где-то истерично училась, делала какие-то проекты, пыталась найти способ быть счастливой. я не нашла.

Господи, я признаюсь себе и Тебе, что не нашла.

Я много читала. Училась. Я не зря прожила этот год.

Я давно уже перешла на церковный календарь, мама у меня жила сентяблями, потом я все время училась. И сейчас. Одиннадцатое сентября 2019 года. Восемнадцать лет назад я отправилась в этот день в Америку. В мою первую за границу. И тоже тогда начинался год.

Листья уже свернулись из-за горячего ветра, многие облетели из-за норд-оста. Я все время ставлю себе крайние сроки : вот, у тебя остается всего один год, сделай самое главное. И я делаю, и Господь продлевает.

Я в первый раз забуксовала. У меня только обрывки слов в голове. Я знаю, что все, что я придумала, не подойдет. Мне нужно придумать новые слова. Новую осень.

Новый октябрь.

Я бы очень хотела в Грузию, ведь это Византия. Снова в Стамбул. Съездить в Фанагорию. В Керчь. Просто остановиться. Мне нужно просто остановиться. Свет. Утро и свет.

Новый проект это не война. Война уже была. Вот его слова:

Море. Черное море. Корабли. Чайки. Ветер. Норд-Ост. Кофе с коньяком на берегу. Девочка в белом платье на берегу моря. Графика. Камни. Тексты. Древние тексты - это будет проект о древних текстах. Мама. Как мы ходили на море, смотрели на

него. Мой мир - это развалины какого-то древнего храма. Я не могу понять, где он. Кавказ или Турция. Может Керчь? Евангелие написанное глаголицей. Херсонес. Господи, прости меня что я очень -очень далеко убежала от Тебя. Я пыталась найти счастье сама. Разбросанные листы на полу. Солярис. Юг и море. Куда я отсюда уеду.

Я вижу море каждый день. И оно меня видит.

жизнь. Вот, Господи. моя жизнь. в моей последней жизни я выучила два урока.

Первый - планирование бесполезно. Второй - Господь всегда поможет.

Я училась. Прошел ровно год, когда я начала постоянно учиться. И вот все завершилось. Может это дорога вперед. Константин Паустовский сказал мне: "Не нужно депрессовать от того, что ты не можешь работать. Просто живи. А время писать придет. Главное - быть писателем". И второй урок - для творчества невозможна озабоченность. Как только у тебя есть малейшая озабоченность, ты уже ничего не можешь делать. Никакие дела не могут быть совмещены с творчеством. Для творчества нужна беззаботность...

Мои последние годы я постоянно ищу время для того, чтобы быть хотя бы в одиночестве. Чтобы никому не отвечать на звонки, никуда не бежать. Это самоуничтожение. И в этом самоуничтожении, где у меня нет никого, кто бы меня защищал от этого ужасного потока суеты и проблем, нужно учиться находить время для одиночества. А потом, найдя место, нужно в этом месте вспомнить все: свое имя. возраст. сколько тебе осталось.

И вспомнить самое главное: кем ты хотела быть. И поставить это в центр.

Моя мечта- рисовать. Не стать художником, а быть. Отодвинуть все остальное в сторону. И поставить мечту в центр жизни. Свое самое главное.

Я - художник. Я рисую картинки. В них много текстов. Я покупаю себе жидкую акварель. Я делаю себе самодельные перья. Я придумываю себе проект. Даже не придумываю - он уже есть. Я его просто срисовываю с неба на бумагу. Мне его нужно увидеть.

Ветки. Листья. Туман. Тишина. Тексты. Знаки. Кавказ. Море. Стамбул. Одиночество. Разум. Без детских эмоций, слез, обид, ожиданий. Что такое текст, каллиграфия? Это контроль над собой. Мне все еще обидно, что меня не оценили, не похвалили, не заметили. Это все жамкается в бумажку и выбрасывается в мусорное ведро. Без сожаления. Все эти слезы сожаления.

Я красивая, тихая, в какой-то одежде. Я живу в древнем городе в моря. Под моими ногами - Византия. А вверху - то же самое небо, что и в Италии. Небо и кружащиеся чайки.

Что я себе оставляю? Проекты, иконы, картины, реставрацию и книги. Звонки, телефоны - все выбрасываю. В мусорку. Вместе со своими обидами. У меня нет

больше времени на то, чтобы себя терять...

Что я себе оставлю? Дорогу вокруг Стамбула, новый год в 2003 году, суп клам чаудер, мои фотографии, фотоаппарат, желтые листья, поезд над Чарльз-ривер, окно со снегом, улицу с кондиционером за окном, крышу и елку в Кабуле, красные занавески, мой потерявшийся между странами этюдник, единственное, что связывало меня с самой собой, мою мастерскую. Из этого набора только моя мастерская есть реальность.

Что я себе оставлю? Потребность остановиться и рисовать.

Грусть с запахом костров, тишиной и хрустальным небом в сентябре.

Куда я отсюда уеду?

Только в небо.

Перемениться физически это несложная задача. На этом принципе строится вся современная логика "счастливого человека". Даже более того - эта логика несовременная, она произрастает от античного "в здоровом теле - здоровый дух". Советский Союз при многих положительных сторонах жил по античной логике строительства идеального человека и идеального государства на Земле, где все будут равны, здоровы и счастливы. К сожалению, коммунизма мы так и не увидели, хотя много хорошего конечно было реализовано. Но реализовано не благодаря этим нео-античным идеям, а вопреки, из-за внутреннего духовного стержня, присущего каждому русскому человеку по его генетическому принципу.

Идеологема "Нужно изменится духовно и жить" намного сложнее. Очень немногим она оказалась под силу. Сколько случаев духовного изменения мы знаем среди больших писателей? Клайв Льюис, Уильям Батлер Йейтс, а России Гоголь, Пушкин, и конечно же Достоевский. Но это духовное второе рождение настигало писателей в тот момент, когда уже оставалось не так много времени. И здесь встает вопрос - нашему Создателю, Богу, нужно ли вообще наше писательство, или Ему нужен просто духовно рожденный и изменившийся человек? Если Бог мог бы из камней создать детей, то неужели Богу непосильно написать роман или повесть и просто сделать так, что ее найдут на столе люди, как находят иногда чудотворные иконы?

Значит Богу нужны люди ищущие выход и передающие свой поиск, так как по их дороге могут пойти другие. Такая дорога более понятна, чем чистый и ясный свет. Изменившись духовно очень тяжело остаться острым, полемичным, зорким, яростным, легким. Если человек остается таким, он должен стать юродивым в мире.

Меньшиков в своей статье о Достоевском правильно пишет - Федор Достоевский был как лев, как античный пророк. Мы не знаем, что случилось бы, если бы Достоевский жил далее - Господь забрал его в том момент, когда душа была готова перейти в другой мир. Далее могло быть и падение, и даже либерализация.

У Пушкина был момент "духовного изменения". Его стихотворение "Пророк"

(1828) тому свидетельство. Времени, которое было отведено Пушкину после его обращения и изменения и поворота в противоположном направлении было достаточно - 9 лет. Но именно в эти годы написана "Полтава", "Повести Белкина", Пушкин венчается, пишет свои "Сказки", и начинает, к ужасу предыдущих единомышленников, поддерживать самодержавие, становится и умирает верующим человеком.

Такие примеры есть и еще в русском искусстве - художник Нестеров, писатель Иван Шмелев, Анна Ахматова в некоторых произведениях. Но их очень мало, так как духовная литература, как правило, имеет назидательный характер. И очень много противоположных примеров в русском искусстве - самоубийств, падений, сумасшествия.

Измениться духовно и остаться человеком и профессионалом - это очень сложная задача. Как писал князь Николай Жевахов (тоже писатель): "Я всю жизнь прожил между миром и монастырем". Преобразится духовно, остаться в профессии и что-то еще суметь сделать преображающего людей, светлого, художественного (не назидательного), - это задача для нового поколения писателей новой России, которое должно прийти на смену модным либералам.

У великой литературы должна быть великая сверхидея. А сверхидея уже строит целую систему принципов и приемов. Сверх-идея - это почти религия, но намного шире. "Умирают люди, но не умирают идеи", - говорит герой из фильма "V значит Вендетта". В последние столетия в Европе с момента французской революции мы видим явное столкновение этих двух сверх-идей: средневекового гармоничного человека - творца и нового человека - гения. Гений - одно из названий падшего духа. "В мире есть только две силы - Россия и революция", - слова Св. Праведного Иоанна Кронштадского (если не ошибаюсь). И эти две силы противоборствуют до сих пор.

Великая литература возможна. Должны появиться великие люди, твердо стоящие на ногах, любящие Россию и готовые пойти на жертву ради этой любви. И я иду. Ушли мама. Папа. Но я иду вперед, и мысль о том, что где-то есть ты на другой части планеты дает мне силы знать, что есть - я. Я знаю, что ты помнишь мое имя.

А значит, вспомню и я.

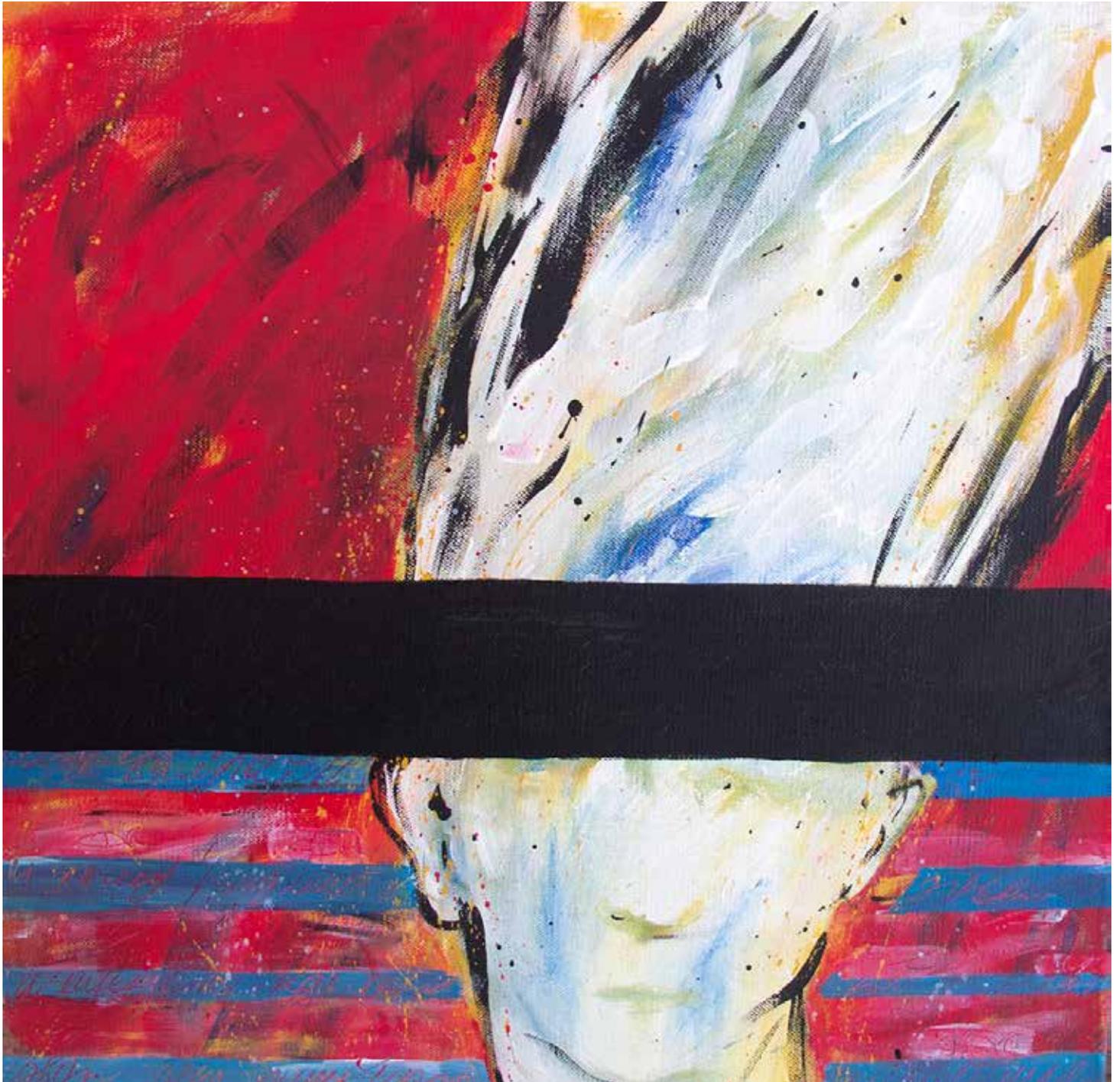
*...я знала, что такой отпуск
слишком хорош, чтобы быть длинным.
центр, где мы учились, затопило
и нужно возвращаться домой.
сегодня проснулась в семь, поймала себя
на том, что спала так крепко, что забыла где.
заказала себе грузинскую еду в ресторане,
думала: неужели такое бывает?
но завтра нужно срочно возвращаться.
еще ничего не поняла,
еще не привыкла к пространству,
не прочитала "Осенний крик ястреба" -
и уже нужно в дорогу.
"Это была передышка "
"Я знаю, Господи".
За эти все годы Тебя уже
слишком хорошо знаю.
И за это спасибо.
За возможность
вспомнить
все...*

"Тишина", бумага, тушь, акварель, 50X70 см.

*...Знаешь, небо,
Я уже почти не завидую
Тем, кто красив, тем кто, спокоен, тем, кто счастлив,
Тем, у кого есть билет на самолет.
Меня поставили в такую ситуацию, когда каждый свободный час
Как отпуск. Сегодня назло всем
Доехала до врача и купила себе лекарств.
"Кем вы работаете, у вас нервная работа?" - спросил врач
И выписал мне настойку пустырника.
И добавил: "Только не пейте сразу целый флакон".
Занимаешься ли ты творчеством?
Смеюсь...
Сегодня покрывала желатином холст.
Хотела прокрыть три штуки, но не смогла,
Закончилось время...
Я спешу все успеть - но это невозможно,
Я спешу нарисовать хоть что-то...
И мне обидно - ведь рисовать нужно в тишине.
Я завидую тем, кто может хлопнуть дверью.
Я завидую тем, кто может рисовать весь день,
А в перерыве пойдет за кофе.
Кто может рисовать ночь, кто может
Слушать музыку и рисовать.
Я завидую им, и не знаю, где то окно,
В которое могла бы выйти...*

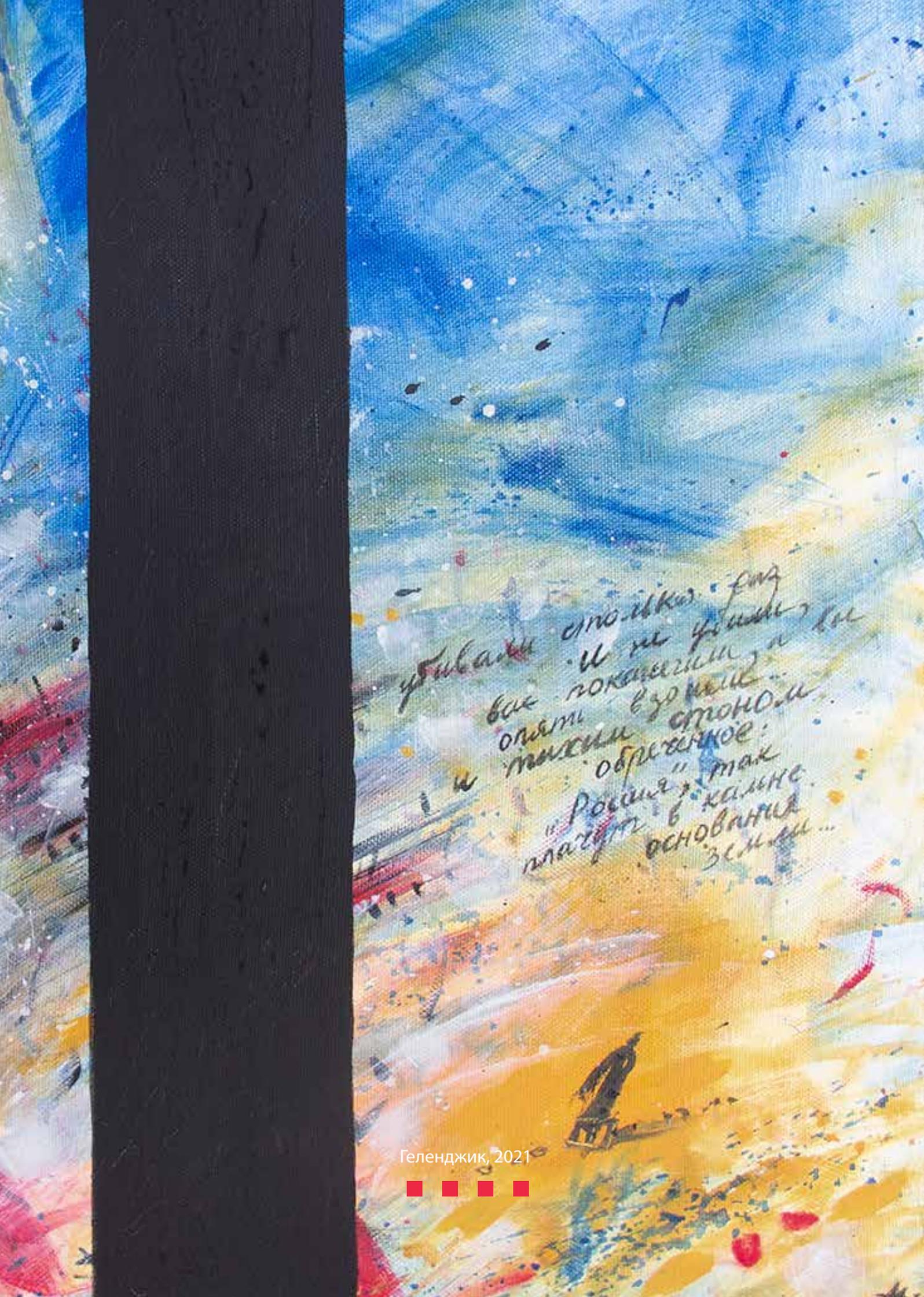
*..и вот когда уходит след,
больно, больно, а потом уже тупеет все
бесчувствие, работа
о, чудо - я даже плакала
это не любовь, и больше чем любовь
это небо, дельфины, сон..
и хочется жить - продолжиться,
я так давно умираю.
у меня остались город,
море и дорога,
Господи...*

"Дорога", холст, акрил, 80x80 см.

*...я вернулась через двадцать лет, как миг,
нет родителей, одна как небо.
но Ты руки взял мои и следом
я услышала чуть слышное:
" Живи" ...*

*...кто-нибудь,
люби меня за то,
кем я была...*

убивали стойкую фан
и не забыли, вы
все показали, и вы
опять взошли...
и только стороной
обреченное:
"Россия", так
плот в камне
основания
земли...

Геленджик, 2021

